

Протоиерей
Артемий Владимиров

С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЁТА

*Моей бабушке
Любови Васильевне Севей
посвящается*

Протоиерей Артемий Владимиров

С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЁТА

*Воспоминания
о годах детства,
отрочества и юности...
В тридцати трёх главах
и ещё одной*

Артос
Москва, 2012

УДК 821.161.1-32Владимиров
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А 57

ISBN 978-5-94119-066-9

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

Владимиров А., протоиерей
А 57 С высоты птичьего полёта/
Протоиерей Артемий Владимиров. —
Москва: Артос, 2012
— 232 с.:

Новое произведение протоиерея Артемия Владимирова автобиографично. В него вошли воспоминания первых семнадцати лет жизни. Книга изобилует яркими и увлекательными эпизодами, рассказами и сценками из семейной жизни второй половины XX столетия. Подлинный интерес представляют словесные портреты представителей творческой интеллигенции, входившей в круг общения семьи писателя. Язык книги выдержан в традициях русской классической литературы. Повествование отличается теплотой и ненавязчивой назидательностью, основа которой — исповедальная искренность автора. Книга с удовольствием будет прочитана всеми, кто размышляет о духовно-нравственном становлении личности подростка, и рассчитана на разновозрастную аудиторию.

© Протоиерей Артемий Владимиров, 2011

ISBN 978-5-94119-066-9

Вступление

Дорогие читатели! Мы с вами присутствуем при большом радостном событии — выходе в Божий мир этой книги. Она подлинно воцерковляющая, автор её — известный священник, протоиерей Артемий Владимиров. Его новая книга подтверждает проверенное веками правило, что быстрее всего Православие становится понятным не в рассказе о нём, а в показе, то есть в передаче личного опыта. Мы вдоволь наслушались нравоучений, что литература может быть православной, если она даже не говорит о Боге. Но как не говорить о Боге? Только о Нём и надо говорить...

Слёзы и обиды детства, ссоры и радости, взрослые и сверстники, школа и дача, лес и река — всё описывается автором как свидетельство роста души ребёнка, а затем отрока на пути к Богу. Не утерплю и выпишу, по моему мнению, ключевые слова из книги:

«Миром правит любовь. Это хорошо чувствуют дети, нося в своём сердце теплоту

Любовь
Васильевна
Севей
с внуками

любви. Что ожог от огня, что укус змеи, то для них резкое и грубое слово, сказанное в состоянии раздражения взрослым человеком. Как весенние цветы вянут и умирают от внезапного заморозка, так повреждается младенческая душа, оказываясь в среде людей, исполненных злобы. Нет большего нравственного преступления, чем искалечить ребёнка сквернословием, разрушить его личность истериками, вспышками ненависти, битьём...

Напротив, в спокойной и доброжелательной атмосфере дети расцветают и обнару-

Вступление

живают дивную красоту неиспорченных сердец. Божия благодать явственно веет там, где малыши, до корней волос прогретые родительской любовью, с широко раскрытыми, блестящими от радости глазками, выплёскивают на взрослых живую воду мудрости, дарованную им свыше...».

Может быть, когда появится исследование «Образ бабушки в русской и советской литературе», то в него по праву войдёт и образ Любови Васильевны Севей, бабушки отца Артемия. С какой теплотой, с какой любовью он выписан! И как пронзительно чувство вины внука! Но нет в Православии смерти, не запаздывает наша любовь, лишь бы она появилась и не умирала! Бабушка вела к Богу — вот счастье внука. Но и бабушке счастье — каждый день поминается её имя в Божьем храме внуком-священником...

Образы бабушек из повести Горького «Детство», бабушки Астафьева и Распутина выписаны очень впечатляюще. Верующие «про себя», они не смогли передать веры внукам. И в жизни их семей всё было очень тяжело. Драки, тюрьмы в «Последнем поклоне». Старуха Анна из «Последнего срока» просит свою дочь после смерти не отпевать её, а «обвыть». Конечно, тут вина не старухи Анны, а атеистической власти — где взять священника в даль-

нем посёлке? Но и речи о нём не идёт.

У отца Артемия, конечно, другая судьба. Просвещённая христианской культурой Москва, православное окружение. Валентину Распутину было гораздо тяжелее пробиваться ко Христу. Но пробился, ибо талант от Бога привёл к Богу. Жаль, этого не случилось с Виктором Астафьевым...

Простота описания в «Высоте птичьего полёта» такова, что даже и слова, и строчки не видятся, а только — люди и события. Мы теперь навсегда сдружились с героями повествования, а отец Артемий будто провёл своё детство и отрочество и вошёл в юность на глазах у всех нас. Такова тайна талантливой прозы.

Какой прекрасный финал в книге — облегчающие душу слёзы на первой исповеди!

Вот что надо читать и детям, и взрослым с детьми. От души поздравим автора с новым произведением, а всех нас — с радостным событием, большой победой русской литературы для детей!

В. Н. Крутин,
секретарь правления
Союза писателей России,
лауреат Премии
святых равноапостольных
Кирилла и Мефодия

Вместо предисловия

Дорогие друзья-читатели!

С особенной радостью я делюсь ныне с вами книгой, которая составлена из разрозненных воспоминаний о моём детстве. Признаюсь, что, работая над ней, я иногда улыбался, а иногда горько плакал, уносясь мыслью в далёкое прошлое. Я благодарен этому небольшому труду за необыкновенно глубокие и яркие впечатления, которые мне дано было вновь пережить и как бы воскресить в памяти, прежде чем изложить их на бумаге. Передо мной прошла целая вереница людей, бесконечно дорогих и близких по духу, многие из которых уже покинули этот мир... Убеждён, что и от них не укрылось моё искреннее желание помянуть их добрым, благодарным словом...

Ясли

Память человеческая... Что хранит она в своих кладовых? Устремлённый вниманием в окружающий нас мир, столь блестящий и пёстрый в его многообразии, я редко опускаюсь умом в сокровенные подвалы памяти. Между тем, в её заветных глубинах обретаются иногда подлинныe сокровища, ценность которых лишь возрастает со временем...

Митя и Тёма

Господи, Тебе ведомо всё из прошлого и будущего судеб человеческих... Ты силён озарить моё сознание и воскресить в памяти то, что, кажется, безвозвратно кануло в Лету...

Помню себя в яслях — так называлось детское учреждение, принимавшее в свои недра младенцев, родители которых не имели воз-

можности нянчить детей в течение трудовой недели. Это была так называемая «пятидневка». И сейчас я всегда вспоминаю ясли, когда до ноздрей доносится казённый запах хлорки, раствором которой нянечки середины XX века усердно промывали кафельные полы в детских туалетах.

Как пронзительно одиноко чувствовала себя душа, вдыхавшая устойчивые ароматы воспитательных учреждений! Слава Богу, что рядом был братец-близнец, общение с которым не давало мне раствориться в коллективе и напоминало о милом доме, удалявшемся от нас на бесконечное расстояние в эти нескончаемые дни пребывания в яслях.

Не думаю, что воспитательницы были грубы или бессердечны в общении с малышами. Всё в яслях текло по раз заведённому порядку: сон, еда, прогулки, игры, опять сон. Только, как ни странно, память почти ничего не сохранила из той жизни, где обслуживающий персонал действовал в рамках однообразных инструкций и правил; а малыши обречённо повиновались взрослым, ибо иначе вести себя было невозможно. Да, случались неприятности (именуе-

*Мама –
Марина
Павловна
Барто*

мые «детскими неожиданностями»), бывали огорчения по причине ссор и всевозможных недоразумений; наверняка, раздавался и счастливый смех в минуты досуга... Река времени унесла с собою всё. Но есть то, что сердце помнит и доныне, лелея, как величайшую драгоценность, мгновенно согреваясь теплотой любви при мысленном обращении к одной и той же картине далёкого прошлого... Вот она!

Подходит к концу день пятый, потому и именуемый на Руси пятницей. Большинство детей уже разобрано родителями. Мы с Митенькой, белокрысым братом-близнецом, уми-

Ясли

лительно подстриженным «под горшочек», пребываем в напряжённом ожидании, которое возрастает с каждой минутой. Телом в яслях, мыслями мы уже давно дома, в родной до боли обстановке скромной московской квартиры с детской комнатой, которая вмещала в себя целую вселенную. Ожидание не столько томительно, сколько сладостно, ибо мы знаем: за нами ПРИДУТ... Ещё полчаса —

*Мама с Тёмой,
Митей и
Андрюшей*

Тёма

и наконец!!! Открывается входная дверь, на пороге появляется МАМА... Молодая, бесконечно красивая, в чёрном прорезиненном пальто с пупырышками. Видя близняшек, своих «маленьких зайчиков», она раскрывает нам широкие объятия! Забыв всё и вся: вездесущий, всепроникающий запах хлорки; воспитательницу и нянечек, с их нехитрым арсеналом слов и ухваток; ссоры и радости, огорчения и замечания, поощрения и похвалы, — мы стремглав бежим к самому дорогому существу на свете — нашей МАМЕ! Она обхватывает нас и прижимает к себе, обдавая нежным теплом,

и сама плачет вместе с нами, уткнувшись, как щенята, в складки её платья... О чудо материнства! О несказанная радость сыновства! О счастье воссоединения с той, которая, носив нас двоих во чреве, носит и поныне в сердце своём, никогда не скудеющем любовью...

Так повторялось каждую пятницу; и каждую пятницу, во второй половине дня, мир вновь обретал для нас объёмность и многоцветие. По пятницам наши маленькие сердца исполнялись радостью жизни... В описанной мною картине созерцаю Божественный свет. Теперь мне ясно открывается её мистический смысл. Нам, близнецам, являлся тогда через родного человека Небесный Отец, и мы, духовные сироты, прикасались к Его простёртым дланям, прижимаясь к материнским тёплым рукам...

Боже правый! Даруй Твоим крошечным созданиям, воззванным через родителей к бытию, отеческую и материнскую любовь; пусть малыши всегда видят бездонные материнские очи, чрез которые Ты, Христе Спасе, глядишь в их сердца и освещаешь детские души светом Своей радостотворной любви!

Признание

Миром правит любовь. Это хорошо чувствуют дети, нося в своём чистом сердце теплоту любви. Что ожог от огня, что укус от змеи, то для них — резкое и грубое слово, сказанное в состоянии раздражения взрослым человеком. Как весенние цветы вянут и умирают от внезапного заморозка, так и младенческая душа повреждается, оказываясь в среде людей, исполненных злобы. Нет большего нравственного преступления, чем искалечить ребёнка сквернословием, разрушить его личность истериками, вспышками ненависти, битьём...

Напротив, в спокойной и доброжелательной атмосфере дети расцветают и обнаруживают дивную красоту неиспорченных сердец. Божья благодать явственно веет там, где малыши, до корней волос прогретые родительской любо-

вью, с широко раскрытыми, блестящими от радости глазками, выплёскивают на взрослых живую воду мудрости, дарованную им свыше.

Мы с Митенькой начинали и завершали день вместе, разлучаться нам приходилось крайне редко. Но, в отличие от взрослых людей, мы никогда не прискучивали и не надоедали друг другу. Возможно, это объясняется тем, что, бу-

Тёма и Митя

дучи близнецами, находились девять месяцев, бок о бок, под сердцем нашей мамы, то есть жили в одной утробе, а потому и мир достался нам один на двоих. По мере выхода из младенческого состояния и овладения речью, мы превратились в неистощимых собеседников и внимательных слушателей, так что каждое открытие, новое яркое впечатление, огорчение становилось предметом, хотя и наивного, но совместного обсуждения.

Как-то на руках у мамы во время прогулки на свежем воздухе мы впились глазами в медленно ползущий по просёлочной дороге сельскохозяйственный трактор. Митя, важно надув щёки и губы, без стеснения обнаруживает свои недюжинные познания. Указывая толстеньким пальчиком на машину, он говорит мне: «Вон такиль». Я, будучи с детства педантичным в отношении языка и формы слов, поправляю его: «Не такиль, а тлакиль»...

В другой раз откуда-то взявшаяся оса, спикировав, ужалила меня в лицо, да так чувствительно, что я упал в обморок. Взрослые засуетились вокруг бедного ребёнка, ибо были действительно серьёзные основания для тревоги. Митенька, долго наблюдавший за суетой, в центре которой находился не он, а его брат-близнец (то есть я), неожиданно громко заплакал. Бабушка испуганно бросилась к нему:

Признание

— Митенька, что, что случилось? Оса?!
— О-са-а!
— Скорее покажи, куда она тебя укусила?
— За во-ло-о-о-сики! — мгновенно вышел из двойственной ситуации мой находчивый братец.

Как видим, малыши не лишены лукавства и самолюбия. Но их проявление в ребёнке не раздражает и не огорчает окружающих, ибо дети чужды мысли причинить кому-то обиду или вред...

*С мамой
Мариной,
бабушкой
Любовью
и тётушкой
Анной*

Тёма и Митя

Вспоминается, как в вечернее время нас с Митенькой уложили спать в детской комнате. Пока взрослые пили чай в гостиной и о чём-то с увлечением разговаривали, мы с братцем затеяли своё, весьма необычное

собеседование. Переговаривались мы едва слышным шёпотом, зная, что после пожелания нам бабушкой «спокойной ночи» нарушение раз навсегда заведённого порядка будет иметь для нас не слишком приятные последствия. И всё же диалог состоялся. В полной темноте с Митиной кровати послышалось столь трогательное, сколь и неожиданное признание:

— Тё-ма!

— Что?

— Я тебя люблю!

Мне не понадобилось много времени на ответ:

— Ми-тя!

— Что?

— А я тебя **очень** люблю...

Через пять секунд разговор продолжился:

— Тёма, а я тебя очень, **очень** люблю...

— А я тебя очень, очень, **очень** люблю...

— А я тебя очень, очень, очень, **очень** люблю...

Неизвестно, сколько бы времени длилось это

трогательное состязание (требовавшее определённых арифметических способностей и цепкой памяти), как вдруг наши откровения были прерваны нарочито строгим голосом подошедшей к двери тётушки Сусанны:

— Это что такое? Кто здесь не спит, да ещё и разгова-а-а-ривает? Вот как придёт сейчас злой старик с мешком за плечами, кого ему отдадим?

В наступившей гробовой тишине послышался тоненький голосок из-под одеяла, которым я полностью, с головой, укрылся, едва лишь тётушка приблизилась к детской комнате:

— Ми-и-и-и-теньку...

Этот детский удивительный разговор и столь красноречивый финальный ответ вошли в нашу устную семейную летопись...

Нужно, нужно **говорить** о любви, без этого человеческое общение скудеет и обесцвечивается; однако как важно, по свидетельству апостола Иоанна Богослова, *любить не словом или языком, но делом и истиною**.

*Ин. 3, 18.

Детский сад

Наш старший брат Андрей не выдержал в детском саду и одного дня. Устрашённые его непрерывными слезами родители водворили мальчика в родные пенаты, сдав на поруки бабушке Любове, которую мы, трое внуков, звали просто Булей.

Нам же, близнецам, было **легче** сносить систему «коллективного воспитания», потому что надолго мы не расставались друг с другом **никогда**. Безусловно, пребывание в садике (как и ранее в яслях) не приглушало тоски по дому и домашним. Выражалось это в надолго запомнившихся бабушке причитаниях внуков, которые висли на её руках по пути домой.

«Буля-я-я... Ты знаешь, в садике всех кормят, а нас с Тёмочкой ни-и-и-кто не кормит...», —

изливал свои не лишённые лукавства ламентации Митенька. Затем песнь подхватывал Тёмочка, с детства отличавшийся умением поддерживать патетический тон: «Бу-у-ля, в садике всех детей ца-а-луют, а нас с Митенькой ни-икто не ца-а-а-лует...»

*Тёма и Митя
с мамой*

Очень любившая нас бабушка не сразу разгадала этот экспромтом поставленный спектакль. Но едва лишь уразумела драматическую игру внуков-близнецов, как тотчас успокоилась, дивясь, с доброй усмешкой на лице, нашему умению бить на жалость и сострадание. Получив от Були новую порцию тёплой, как только что испечённый хлеб, любви, мы, ободрившись и словно почувствовав крылья за спиной, пускались наперегонки по длинной заасфальтированной дороге. Она вела от Новых

Черёмушек к улице Красикова, где мы и жили в доме для научных работников.

О, эта злополучная дорога!.. Дело в том, что в середине поперёк её проходила какая-то труба, по неизвестным причинам не спрятанная строителями в землю. Митенька, более рослый и крупный мальчик, всегда первенствовал в соревновании и, перепрыгнув через трубу, лишь набирал скорость, оставляя меня далеко по-

*Тёма, Митя
и Андрюша*

зади. Я же, изо всех сил стараясь догнать брата и со скорбью взирая на его удаляющуюся спину (до сих пор не люблю соревнований), умудрялся не заметить препятствие и задевал его ногой. Таких случаев было два или три! Сокрушительное падение! Спасала меня лишь гуттаперчивость, присущая детскому возрасту. Дело обходилось без переломов. Но всё же разодранные в кровь ладони и коленки, разбитый нос оставались красноречивыми свидетелями поражения.

Кое-как я ковылял по направлению к дому, смешивая солёные слёзы, обильно струившиеся из глаз, с кровью, которую беспрестанно утирал рукавами. Я плакал от обиды на Митеньку, на трубу, на неуклюжесть, а собственное жалобное поскуливание только добавляло горечи и умножало рыдания.

Но вот, наконец, и дом, квартира на пятом этаже под номером сорок пять. На помощь поспевала бабушка, которая, увидев мою в очередной раз расквашенную физиономию, с причитанием и словами утешения заводила в ванную... Это я запомнил навсегда!

Струя тёплой воды и ласковые, чудесные бабушкины руки, бережно омывавшие мои раны... Они, казалось, имели силу **останавливать** кровь и снимать боль. С каждым прикосновением Булиных рук **делалось** спокойнее и

мирнее на душе. Беспричинная обида на вселенную уходила в раковину вместе с омытой кровью. Любовь, врачующая и душу, и тело, воскрешала целостность бытия, возвращая миру его красоту и гармонию. Детство вновь становилось золотым...

Не так ли Небесный Отец, выбежав навстречу Своему сыну, иждившему* наследство «на стране далече»**, обнимал его и целовал без единого слова попрека и осуждения! Не так ли милосердный самарянин возливал елей на израненного разбойниками путника, «едва жива суша»***?

О животворящая сила любви! Когда ты действуешь и даёшь осязать себя, то все слова оказываются лишними. К чему теоретические доказательства, если ты сама являешь себя в жертвенном, бескорыстном служении **каждому**, кто ищет тебя, верит тебе и плачет до тех пор, пока ты не придёшь к нему?

Любовь — дивное женское имя... И особенно тогда, когда имени соответствует житие...

**Растратившему.*

***Лк. 15, 13.*

****Лк. 10, 30.*

Павлин

Часто дети поражают нас своим удивительным простодушием и искренностью. Иногда они, не задумываясь, говорят то, что взрослые не имеют духу произнести. Не зря же сказано: «Устами младенца глаголет истина».

Эти детские «откровения» свидетельствуют, что мы сотворены Богом по Его образу и подобию. Уста Христовы не лживы, слова Его суть непререкаемая истина и нелицеприятная правда, которая во веки та же. С другой стороны, малыши суть дети своих родителей и поэтому весьма часто проявляют именно те свойства характера, которые всего более присущи отцу и матери. И родители ни о чём так не стараются, как о том, чтобы вырастить из ребёнка (иногда неосознанно) собственную копию, притом не только в отношении добродетели,

телей, но и недостатков. Недаром же Блез Паскаль открыл замечательную закономерность, справедливую как для физического мира, так и для нравственного. Уровень жидкости в сообщающихся сосудах всегда **был и будет** одинаковым. И всё же... Дети суть цветы райских садов, и, всматриваясь со вниманием и любовью в нежные и прекрасные соцветия их душ, мы улавливаем не тяжёлый запах грешной земли, но тончайшие ароматы рая Божия.

Однажды, совсем маленькими, мы были приглашены в московскую квартиру Ольги Игоревны Алексеевой-Станиславской (Толстой, по материнской линии), с почтенным родителем которой вы ещё познакомитесь в последующих главах нашей книги. Дело в том, что у неё было три сына, совершенно равных нам по возрасту: старший — ровесник нашего брата Андрея, а двое других — одноклассники с нами, близнецами. Хозяева отмечали какой-то семейный праздник, пригласили ещё и других детей; веселье к нашему прибытию только начиналось. В ожидании праздничных блюд, соответствующих всем правилам восточной кухни (муж Ольги Игоревны был южных кровей), нас, малышей, провели в детскую комнату, где каждый мог найти себе занятие по интересам. Кто-то возился с конструктором, я собирал железную дорогу и катал по ней паровозики, де-

вочки листали книжки с картинками. Приготовление азербайджанского плова затягивалось. Нужно было хорошенько протомить его в духовке. Всех детей усадили на стульчики для коллективного просмотра диафильма про павлина.

Начало диаленты не предвещало никакой драмы. Осанистый павлин с роскошным хвостом стал предметом общего внимания прочих птиц, во множестве слетавшихся на вечерние посиделки. Но вот «пернатый народ», одетый куда более скромно, решил, что павлин явно выбивался из их общества разительным контрастом своего оперения. Необходимо сказать, что советская мораль 60-х годов XX века всего прежде воспитывала в гражданах чувство коллективизма, которому претили какие-либо попытки выделиться из общей массы скромных и честных тружеников.

Всё у нас должно было быть «как у всех» — от идеологических убеждений до размеров дачных участков и располагающихся на них строений.

Но вернёмся к диафильму, который, затаив дыхание, кадр за кадром смотрели милые дети.

Ситуация для павлина, не успевшего сделать ничего плохого (не виноват же он, что у него

вырос замечательный изумрудно-синий веерообразный хвост!), приняла угрожающий оборот. Птичий товарищеский суд произнёс свой приговор в отношении гордого индивидуалиста. Каждая птица, от воробья до грача, должна была выказать полное презрение к павлину, вытянув из его чудо-хвоста по одному перу. Что и незамедлительно было исполнено. В последних кадрах диафильма павлин представлял перед нами общипанной пуляркой, дрожавшей от холода и унижения.

По мысли создателей диафильма, маленькие и взрослые зрители должны были облегчённо вздохнуть, **осудив** павлина, как это сделал весь птичий базар. Оставалось только радоваться тому, что «советская справедливость» восторжествовала. Виновный был достойно наказан, а пернатые товарищи с чувством глубокого морального удовлетворения разошлись по своим домам, притом что каждый участник «гражданской казни» уносил в клюве синеокое павлинье перо, на память об этом достойном событии.

Диафильм закончился. Дети, получив нази́дание, уже были готовы встать со стульчиков... как вдруг раздался **истощный** вопль. Мой белообрый щекастый братик Митенька зашёлся в рыданиях, да так, что слёзы в три ручья лились из его глаз...

— Что такое? — сбежались взрослые, оставив жаренье и паренье. — Тебе прищемили стулом палец?

— Не-е-ет!

— Ты укусил свой язычок?

— Не-е-ет!

— Головка болит, животик?

— Не-е-ет!

— А что же?

— Па-а-вли-и-ина жа-а-алко!

Вот этого не ожидал никто... Разве можно было подумать, что мирный детский диафильм доведёт до иступления малыша, трепетно следившего за развитием действия?! Ничто, никакие попытки успокоить рыдающего Митеньку не имели успеха:

— Скоро у павлина отрастёт ещё лучший, самый прекрасный в мире хвост!

— А зачем надо было **этот** вырывать? — надрывно и вместе с тем резонно отвечал Митенька, не переставая плакать...

Наконец, хозяин дома радостно объявил, что плов готов и уже разложен по тарелкам. Услышав приглашение, братец перевёл дыхание и вопросительно посмотрел на меня... Через минуту мы уже сидели за детским столиком и в полном молчании уплетали вкуснейший плов. Митенька раскраснелся от своих трудов, а резинка колготок всё глубже врезалась в его упру-

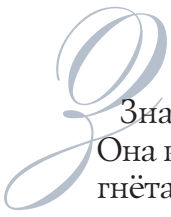
гий животик. Он, умело орудуя вилкой, только повторял: «Ещё мяса, ещё паковки*. Ещё мяса, ещё паковки». Все умирились и обрели долгожданный покой. Слёзы на глазах сострадательного Мити просохли, и на его разрумянившемся лице — настоящего мужчины — появилась жизнеутверждающая улыбка...

Не знаю, какие выводы сделали для себя взрослые, показавшие нам этот диафильм, но я, будучи очевидцем всего происшедшего на детском празднике сорок пять лет тому назад, подробно описал сегодня для вас, дорогие мои читатели, эту невымышленную историю... Как ни ряди, а павлина действительно жалко...

**С набитым ртом ребёнок может произнести только «паковки» (морковки).*

Страх

Знаете, друзья, чем прекрасна наша **вера**? Она высвобождает человеческое сердце из-под гнёта всевозможных страхов, которые, как чугунная плита, придавливают душу к земле. До вхождения в лоно Матери Церкви, вхождения верой и жизнью по вере, человек обречён быть жертвой боязни.

Вспоминаю нашу общую с братцем Митей детскую. Кажется, чего можно было в ней бояться? Многого. Хотя бы чуть приоткрытой двери в кладовку, забитую ненужными вещами. Едва лишь взрослые тушили свет, а мы укладывались в кровати, ко мне приступал... страх. Я напряжённо, безотрывно смотрел на щель от неплотно закрытой двери в кладовую комнату и... боялся. Мне казалось, что эта ужасная щель мало-помалу увеличивается и кто-то

страшный, в образе Бабы-Яги, сейчас проникнет в детскую с самыми злыми намерениями относительно нас, бедных близнецов. И из взрослых никто ничего не услышит, не поможет... Леденящий ужас сковывал моё сердце, лоб покрывался испариной, сон бежал от очей. Кошмар повторялся довольно часто, и обычные слова ободрения, вразумления со стороны взрослых не оказывали никакого воздействия. Некому было нас ПЕРЕКРЕСТИТЬ.

Впоследствии страхи материализовались в лице дворовых мальчишек из метростроевского дома. В нашем жили семьи физиков, в соседнем — тружеников по строительству московского метро.

Бродя стайками вокруг домов, на карьере-котловане, где впоследствии выросли новые огромные здания, городские подростки упорно искали объект для приложения своих юных нерастратченных сил. Им весьма часто оказывались дети физиков, не отличавшиеся ни агрессивностью, ни умением защищать себя.

Завидев издали этих страшных мальчишек, представлявших мне сродни племени каннибалов, я ощущал, как потемнело вокруг пространство. Сердце, уже по привычке, холодело от недоброго предчувствия...

Время было весеннее. Пятки с мысками были надёжно укрыты в коротких резиновых ботинках, казавшихся мне верхом изящества и удобства. Особенное удовольствие нам доставляло хождение по лужам из талого снега, что придавало ботинкам победоносный, блистающий вид.

Но чего я боялся, то и свершилось со мной! Приблизившиеся ко мне мрачные отроки без лишних разговоров, как будто всё заранее спланировав, грубо схватили меня за рукава пальто и подтащили к канаве с водой. Какой-то рослый парень одним движением поставил меня вместе с сапожками прямо в воду, достигавшую уровня колен. Выполнив своё дело, потомуки метростроевцев с шумом и гамом поспешно удалились...

«За что? Почему? Для чего?» Эти вопросы, даже если бы тогда были заданы мною, скорее всего, остались бы без ответа. Мы были беззащитны перед бессмысленным **насилием**, которое вихрем врывалось в наш светлый детский мир и затем, по счастью, так же быстро удалялось в неизвестном направлении. Последствия этого вторжения — ощущение ужаса и воспоминание человеческих лиц, в которых, казалось, не было ничего человеческого.

Не так ли праматерь наша Ева, некогда прогуливаясь в прохладе Эдема, увидела **образ**, а потом и услышала **голос зла**, действовавшего,

впрочем, более осторожно, однако с тем же убийственным намерением?

О детство! Ты всё же было прекрасно, несмотря на «набеги неразумных хазар», вызывавших у нас стойкое отвращение к разгулу страстей. Эти страсти, к сожалению, помыкают теми, кто слишком рано теряет тебя, о милое, невозвратимое детство!..

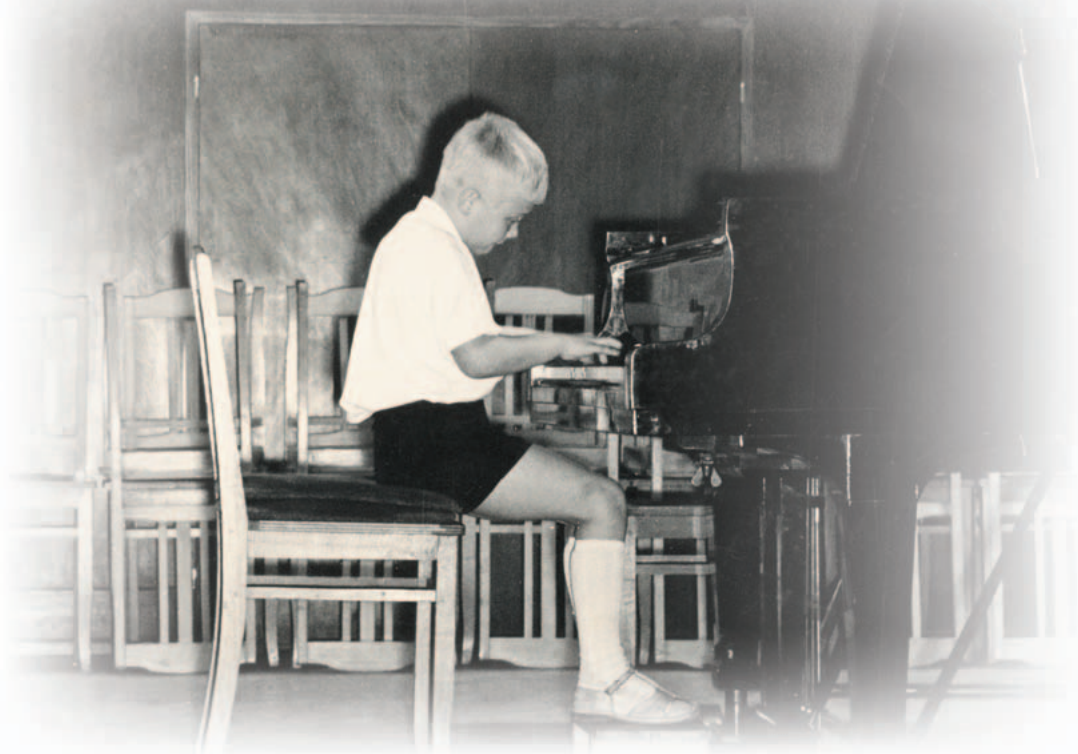
Музыка

Редко, но встречаются люди, от рождения одарённые феноменальным талантом. Таков был мой братец Митя, для которого музыка стала жизнью.

Обнаружил он свой дар совершенно неожиданно. Ещё будучи ползунками, мы часто натывались на различные бытовые предметы и играли с ними. В ход шло всё: мячики, кубики, карандаши, крышки от кастрюль.

Однажды, заполучив две крышки, а может быть, крышку и ложку, Митенька ударил их друг об друга. Звучание металлической крышки привело его, годовалого малыша, в изумление. С вытаращенными от радости глазёнками он ещё и ещё раз производил чистый металлический звук и напряжённо вслушивался в него, приблизив «музыкальный инструмент» к уху...

*Шестилетний
Митя
за роялем*

Как-то, когда нам с братом было по три года, мы с бабушкой оказались перед запертой дверью собственной квартиры и попросились (просила, конечно, она) к добрым соседям, жившим этажом выше. Именно там Митенька впервые увидел пианино и, самостоятельно открыв крышку, прилип к нему... навсегда.

По счастью, соседка была незаурядной учительницей музыки и тотчас распознала в брате дарование...

Этот визит определил всю его дальнейшую судьбу. Забегая вперёд, скажу, что уже в семь лет он был пианистом-исполнителем, умевшим воздействовать своей игрой на взрослую аудиторию.

Митенька получил в детском саду привилегию — во время общего гуляния на свежем воздухе та самая соседка-учительница забирала его на индивидуальные занятия к себе домой, благо, садик находился во дворе дома.

Помню, как он возвратился в нашу группу с раскрасневшимся от вдохновения лицом и, обращаясь ко мне, с замиранием сердца поведал о дарованном ему «откровении»: «Тёмка, ты представляешь, есть такая нота — “соль”...».

*Праздник
в детском саду*

Перед моим мысленным взором возник миниатюрный холмик поваренной соли, а рядом — столь похожая на него горка сахара. Я грубо оборвал Митеньку тоном, не допускавшим никаких возражений: «Всё ты врешь!».

Кажется, грубость ответа обусловлена была непонятным и весьма неприятным для меня чувством, возникшим оттого, что

у брата появилось в жизни что-то совершенно от меня сокровенное. Думаю, что на русском языке это называется **зависть**... А может быть, ревность, смешанная с детским самолюбием.

Бабушка, чутко за нами наблюдавшая, выпросила у Ирины Николаевны (учительницы музыки) разрешение привести и другого брата-близнеца на её удивительный урок. Я запомнил его на всю жизнь, хотя так и не стал «служителем музыки».

«Тёмочка, нажми вот на эту клавишу, — просила меня наша соседка, — и послушай, что́ она тебе скажет...»

Я послушно и трепетно нажимал пальцем на клавишу.

«Слышишь? Ты чувствуешь, как звук, выходя из-под твоей руки, словно птица, поднимается над инструментом и, сделав два-три круга, вылетает из окна. Смотри, он, подхваченный ветром, уже парит над газоном, клумбами...»

Я напряжённо смотрел в полуоткрытое окно и оглядывал наш двор с детским садом, огороженным высокой решёткой.

«...А звук поднимается выше, выше и летит далеко-о-о, за горы, за доли и растворяется где-то в лесах, у самого синего моря...»

Узнав об удивительном поведении звуков, я, однако ж, не прилагал должного усердия в заучивании пьесок, которые Митенька схватывал

на лету... Дистанция между нами стремительно увеличивалась. Но в отличие от Сальери, я не стремился упорным трудом сравняться с единоутробным «Моцартом»...

Брат восходил по ступеням совершенствования, покуда я пресмыкался в тщетных попытках преодолеть собственные строптивость и лень, вылезавшие наружу всякий раз, когда нужно было садиться за инструмент.

Апофеоз моих «страданий» пришёлся на тот момент, когда Митя готовился лететь (первый раз в жизни!) в неведомый город Тбилиси для участия в конкурсе юных музыкальных талантов.

Уже в аэропорту бабушка и я с волнением стояли близ брата, как наконец тот, белобрысый, с веснушками, весь светившийся от счастья, помахав нам ручкой, шагнул за черту, которая отделяет пассажиров от провожающих.

О, как защемило моё мальчишеское сердце! Не выдержав обуревавших меня чувств, я громко заплакал. Впервые жизнь разлучила единоутробных братьев, для которых целый мир всегда делился на равные половинки.

Митя, 4-й класс

Дмитрий,
1975 год

Уткнувшись носом в Булино* пальто, я безутешно всхлипывал, оплакивая Митенькин талант, крылья которого уже несли братца в солнечную Грузию...

Бабушка с родителями впоследствии «сосватали» мне игру на скрипке (в которой, по правде сказать, я достиг известных успехов), а потом и на флейте.

*Напоминаю читателям: мы звали бабушку Булей. «Баба Люба» сократилось до «Буля».

Отроческий возраст принёс увлечение футболом, и кожаный мяч окончательно выбил из меня остатки музыкальной гармонии, поначалу столь ясно звучавшей в юной душе...

Тогда, в аэропорту, мне ещё не приходило на ум, что вовсе бесталанных людей не бывает. Я не умел благодарить Создателя за Его дары, сиявшие в душах окружающих людей. «У Бога всего много», а каждый из нас премудро сопряжён с ближними и родственными, и дружескими, и духовными узами...

Изобилие одного восполняет скудость другого. Ущербный в одном может оказаться бесконечно богатым в чём-то ином.

Мы связаны «круговой порукой добра»**, по слову безвестной монахини Новодевичьего монастыря. Сама жизнь свидетельствует, что все мы без исключения нужны друг другу, а в многообразии душ и в присущих им неповторимых дарованиях прославляется общий Творец, вложивший в нас Свои образ и подобие...

***Выражение взято из стихотворения монахини Новодевичьего монастыря, жившей в XIX веке:*

*...Всё же вы не слабейте душою,
Коль придёт испытаний пора.
Человечество живо одною
Круговою порукой добра...*

Проказы

О как наивны маленькие дети, которые смотрят на мир доверчивым и светлым взором! Сам Господь призывает Своих учеников уподобляться детям, впрочем, не по уму, а по сердцу. ...*По уму будьте совершенны* — учит нас святой апостол Павел*. Наивность — удобная мишень для греха, а осторожность — подлинная добродетель.

Однако с малолеток спрос невелик. Вот почему слово Божие угрожает страшной карой тому, кто осмелится сознательно соблазнить единого из малых сих. Редко кому из нас удавалось избежать прельщений и падений, последствия которых всегда отзываются болью и стыдом...

*Кор. 14, 20.

Дело было летом. Бабушка часто водила нас, недорослей, на пляж, зная, насколько необходимо городским детям погреться на ласковом солнышке близ стремительной Оки. Непода­лёку от песчаного «лежбища» (где собиралось множество дачников) простирались колхозные поля, которые тогда прилежно обрабатывались и охранялись.

И вот однажды пара местных мальчишек старшего возраста (думаю, им было лет по де­сять-двенадцать) завлекла меня, шестилетку, побродить по морковному полю, пока бабушка позволила себе соснуть под большим пляжным зонтом. С детства мне была свойственна послушливость в отношении старших, особенно если кто-то руководствовал мною со сто­роны, не из круга домочадцев. Взирая на этих подростков в мокрых (после купания) чёрных трусах, как на по­лубогов, я покорно следовал за ними, семена своими короткими ножка­ми. Позади остался пляж с дачни­ками и сонной бабушкой. Мы пе­ресекали дорогу и осторожно ступили на колхозное морковное поле, сплошь покрытое зелёной ботвой, ровные стёжки которой уходили куда-то вдаль.

С бабушкой

На Оке

До сих пор я так и не разгадал замыслы моих деревенских покровителей, решивших, прежде чем взяться за выдёргивание из гряд уже изрядно спелой моркови, подробно меня проинструктировать: «Слушай, парень! Будешь дёргать морковку, выбирай маленькие и тонкие кустики — они самые вкусные и ценные... Понял? Ну, валяй!».

Сказано — сделано. Не отступая ни на йоту от преподанных наставлений, я прилежно хватался за чахлую поросль, вытаскивая из земли нитевидные морковинки, более походившие на сорняки или луковые пёрышки, чем на привычные

для нас сочные мясистые корнеплоды. Время от времени я посматривал в сторону наставников, которые, к моему удивлению, вытаскивали только толстые клубни моркови, весело друг другу улыбаясь и о чём-то беседуя на своём сельском диалекте. Увлёкшись самим процессом, я и не заметил, как мальчишки исчезли. Помню, что мною руководила лишь одна мысль: как бы **порадовать** бабушку столь великим уловом! Мне и в голову тогда не приходило, что колхозное поле совершенно не было предназначено для подобных вылазок. Когда я уже не мог удерживать в руках огромную охапку ботвы с печально смотрящими вниз усиками невызревшей моркови, стало ясно, что пора возвращаться на пляж. Сколько прошло времени, сказать трудно: вероятно, не меньше часа.

Как чувствует себя труженик, который, не разгибая спины под палящим солнцем, честно выработал свою норму? Не с пустыми руками я возвращался к дорогой Буле, распираемый чувством самоудовлетворения! Я старался издалека разглядеть её тент сквозь заросли ботвы, застывшей мне очи. Помню, как гордо я, «передовик сельского хозяйства», вышагивал между телами загоревших дачников, которые приподымались от удивления и пристально смотрели мне вслед... А вот и бабушка! Расстроженная не на шутку, уже накинув сит-

цевый халатик, она с недоумённым взглядом встречала своего милого внука. «Буля, Буля, посмотри, что́ я принёс тебе в подарок!» — голосом, звеневшим от радости, я приветствовал любимую бабушку. Её лицо вытянулось и стало буквально серым, тем паче что вокруг нашего зонта собралось уже немало любопытствующих лиц, прекрасно осведомлённых, откуда Тёмочка принёс всё это богатство. Дальнейшее расследование «преступления»* тотчас низринуло меня с мысленного пьедестала...

Бедная наша бабушка! Сколько подобных неприятностей мы, глупые внуки, ей доставляли, сами того не желая! Как быстро раскаивались в содеянном и как быстро становились участниками новых, столь же незавидных приключений! Конечно, бабушка делала скидку на неразумие возраста и не наказывала нас строго. До корней волос прогретые её милующей любовью, мы, братья, были вполне дружелюбны, и наши размолвки никогда не доходили до взаимного озлобления.

С детства нас приучили делить всё поровну, особенно съестное... Пытливым оком каждый наблюдал, чтобы справедливость ни в чём, даже

**Сейчас, впрочем, понимаю, что соделанное мной скорее было достойной похвалы прополкой, а не хищением колхозной моркови.*

в малом, не была нарушена. Выданное на руки сразу съедалось без остатка, чему способствовал всегда хороший аппетит растущих организмов. Самым обидным было для нас уличение в чрезмерной заправистости и бережливости, которая обыкновенно откладывает «вкусненькое» «на чёрный день». Как-то бабушка распределила между нами свежие яблоки, купленные с рук у приезжего торговца. Каждый из трёх братьев, получив по три яблока, принялся за дело, аппетитно вгрызаясь молодыми (молочными у нас с Митенькой) зубами в сочную мякоть. Нелёгкая попугала меня спрятать оставшиеся два яблока в свою постель, поближе к стенке, — на грядущий вечерок... Но можно ли сокрыть что-либо от единоутробного? Едва лишь, подобно хомяку, я забрался вечером в свою норку и стал угрызать плоды, как внезапно подкрался Митенька и одним рывком сдёрнул с меня одеяло! Обнажились мои запасы, безмолвные обличители попанной «корпоративной братской этики»... Уставив на меня указательный палец, Митенька закричал душераздирающим голосом: «Би-ри-

гун, би-ри-гун, би-ри-гун!». Это было невыносимо обидно и позорно, потому что подлинное мальчишеское благородство состояло в противоположном: слопать всё и сразу, без остатка, по-евангельски предоставив завтрашнему дню позаботиться о себе самом...

Но вернёмся к наказаниям. Помню очередной наш «подвиг», который вынудил Булю прибегнуть к самым экстренным мерам, и всего лишь **один раз** за всё наше счастливое детство. Мы с Митенькой в отсутствие бабушки распустили дореволюционную салфетку из бисера, сделанную руками нашей прабабушки Александры Михайловны Глебовой и поэтому представлявшую для бабушки величайшую драгоценность. Вне себя от негодования она торжественно объявила, что будет нас **пороть**, и повелела «преступникам» лечь на диван, обнажив самые мягкие места. Мы с Митенькой (окаянные!), заливаясь смехом, сдёрнули штанишки и повалились на кровать, улегшись рядом, как две барабульки. Бабушка, с трудом найдя ремешок в платяном шкафу,

неумело взмахивала им, так что орудие наказания более скользило по обнажённым ягодицам, нежели ударяло по ним. Наш ребячий смех от этого только возрастал. Не умевшая долго гневаться бабушка вскоре опустила ремень, ограничившись словесным выговором несносным проказникам. Разрешите, дорогие друзья, предать письмам тот поэтический опус, который Тёмочка сходу сочинил и тут же выдал его изумлённой бабушке:

*Митенькина попочка подушечки мягчей,
Тёмочкина попочка твёрже кирпичей!*

Выслушав «стихотворный памятник» нашему озорству, Буля не смогла не рассмеяться от души, для которой гораздо приятнее было прощать, нежели карать...

Первый класс

Во многих домах хранятся фотоальбомы, являющиеся своеобразной семейной хроникой, современной «сагой о Форсайтах», писанной не словом, но представленной в фотографиях. Большие и малые, цветные и чёрно-белые, выцветшие от времени и только что напечатанные... Милые, бесконечно родные лики домочадцев, родственников, взрослых и детей.

Как правило, при неспешном просмотре домашнего архива мы находим снимки, сделанные родителями при поступлении в школу их «зайчиков» первого сентября. Первый раз в первый класс!

Читатель, потрудись, вспомни: как и что ты чувствовал в этот незабываемый день? Со страниц фотоальбома на тебя глядит собственное отражение, семи лет отроду. Глаза!

Точно, они суть зеркало души, чистой, кроткой, радостной, распахнувшей себя (подобно осенним роскошным соцветиям астр и гладиолусов) навстречу неведомой школьной жизни. Белая рубашка, новая форма с иголочки, блестящие туфли — подлинное торжество!

Мама до сих пор убеждена, что мы с братцем каким-то чудом попали в знаменитую 45-ю английскую школу на улице Гарибальди. Конечно, не обошлось дело без предварительного собеседования. Два курносых близнеца не растерялись и отвечали на вопросы комиссии бойко, хотя иногда и невпопад. Особенно блистал энергией ума и чувства Митенька, натура творческая, наделённая выдающимся музыкальным талантом. Нам предложили прочитать наизусть какое-нибудь стихотворение. Митя тотчас начал декламировать: «Травка зеленеет, солнышко блестит...». Не успела ласточка залететь в сени, как последовал вопрос об авторе этого шедевра русской поэзии. Стремительный ответ брата определил нашу судьбу — детей приняли под залиvistый смех дам, нас экзаменовавших! «Майкин!». Вот имя поэта, которого я

*Тёма-
первоклассник*

до сих пор чту как нашего «покровителя», отворившего близнецам дверь в страну знаний.

Но «какая радость на земле бывает печали непричастна»? Уже второго сентября я потерпел страшное фиаско, срам, который не изжит мною до сих пор...

На перемене я несколько замешкался и не заметил, как после прозвеневшего звонка первоклашки разбежались по своим учебным кабинетам. То ли двери были слишком похожи одна на другую, то ли коридоры настолько широкими и длинными, что я... потерялся!

Оставшись совершенно один, я не успел ещё ничего сообразить, как в гулком пространстве первого этажа послышались шаги человека. Он медленно приближался ко мне.

Кто был этот огромный, одетый во всё чёрное, с толстыми роговыми очками на носу, пожилой

господин, смотревший на меня сверху вниз, как башня Биг-Бен на крошечных людей, которые ходят по Трафальгарской площади английской столицы? Тогда я не знал, что это был сам директор Мильграм, как его звали все и всегда, по фамилии.

**Слова взяты из последования отпевания усопших, составленного преподобным Иоанном Дамаскиным.*

«А что, собственно, Вы тут делаете, молодой человек?» — спросил он меня своим добродушным басом, который показался мне, семилетнему бэмби, оглушительным раскатом грома.

Вместо ответа я, онемев от страха, оцепенел и... вдруг почувствовал, что совершается непроизвольно нечто ужасное... Серая штанина брюк потемнела, и под стопами стала образовываться, растекаясь всё шире и шире, предательская лужа...

Что было дальше, мне не вспоминается. Память отказалась запечатлеть в своих анналах всё последующее, вследствие эмоционального шока...

Как часто, друзья, жизнь глубоко смиряет нас до праха, до персти земной! Кажется, что более глубокого уничижения быть уже не может... Провидение допускает случаться многому, в конечном счёте, всё обращая к нашему собственному благу. Если... Если мы оказываемся в состоянии «благодарно принимать» жизненные уроки, не надламываясь, не ожесточаясь, а **по-детски**, как в первом классе, — с надеждой на лучшее... и верой в доброту окружающих нас людей. Пусть последние и не всегда оправдывают наших чаяний, не беда!

Что бы ни случилось — «блажен, кто верует, тепло ему на свете»!..

Грех

Ах, как близок грех к каждому из нас! Хорошо, если ты умеешь ему сопротивляться, знаешь на опыте, как отгонять навязчивые злые мысли и желания молитвой к Богу... Иное, если грех со всей обольстительной силой приступает к тебе, и ты гостеприимно раскрываешь перед ним «врата́» — сначала глаза, а потом и сердце. Тогда сами последствия содеянного станут для тебя научением, а воспоминания перенесённого позора — уздой от совершения новых падений.

Как-то мы с братцем Митенькой, возвращаясь из любимой школы, решили заглянуть в магазин самообслуживания, привлекавший нас множеством разнообразного товара, который был выложен на открытых витринах. Не сговариваясь, мы подошли к отделу ёлочных

украшений... О, какое разнообразие игрушек представилось нашему заворожённому взору! Шары и звёзды, серпантин и серебристый дождь, деды морозы и снегурочки всех размеров и видов — чего там только не было!

Особенно привлекательно блистали малиновыми и золотыми верхушками стеклянные шишечки, точь-в-точь, как еловые, только покрытые белёсой пудрой, словно снятые со сказочной ели, запорошенной снегом. Мы не могли оторвать от них глаз — так уютно они лежали на витрине, каждая в своём углублении,

маня́ нас хрупкостью и изяществом... Не знаю, не помню, кто из близнецов верховодил тогда в осуществлении преступного намерения; возможно, мы пришли в магазин не в первый раз, а значит, план похищения шишечек уже свил гнездо в наших неискущённых сердцах.

Дождавшись, покуда продавщица отвернулась, чтобы взять с полки какую-то коробку, Митенька, а вслед за ним и я схватили по шишечке и поспешно удалились с места преступления... Нас отделяла от родной улицы Красикова лишь одна станция метро. По дороге домой мы молчали. Каждый в потной руке сжимал свою шишечку, у меня — с фиолетовой верхушкой, у Мити — с золотой. Смотреть друг другу в глаза не хотелось. Радость обладания вожажденным предметом подтачивалась каким-то неуютным, горьким чувством беспокойства, даже тревоги.

Мы стали **сообщниками**. Вот и знакомый подъезд, лифт, этаж, наконец, и дверь в квартиру под номером сорок пять... Звонок...

На пороге стояла мама с лёгким румянцем на щеках. Она, к нашему удивлению, была дома и готовила для нас обед. Раздевшись, но не

расставшись с несчастными шишечками, мы проследовали на кухню с выражением некоей таинственности на лицах. Кажется, я напевал себе под нос какую-то мелодию, которая должна была передать состояние полнейшей беззаботности и довольства жизнью. Наступила секунда молчания...

— Мама, — выдавил я, — а мы тебе пода-а-рок принесли...

— Подарок? Какой подарок?

— Шишечки...

— Какие шишечки?! Покажите!

Где вы их взяли?

— Н-нашли...

С этими словами мы оба разомкнули влажные от пота пальцы, и на ладонях наших явились шишечки, вовсе не такие неотразимые, какими они глядели на нас с прилавка.

До сих пор я вспоминаю мамино лицо и глаза, превратившиеся в очи. Они потемнели, как морская пучина при непогоде. Светлое, ра-

Мама

достное выражение стало пронзительно строгим, отчуждённо спокойным...

— И вы МОИ дети?! — выдохнула мама, как будто отрекаясь от двух воришек и лгунишек.

Трудно описать, что с нами произошло в ту же секунду... Мы мгновенно заплакали навзрыд, а шишечки выпали из ослабевших рук, разбившись на десятки осколков у нас под ногами.

— Мама, мамочка-а-а!

С воплем мы бросились к маме, интуитивно чувствуя, что в её тёплых объятиях оживут наши похолодевшие от ужаса души, а от жарких рыданий расплавятся и исчезнут осколки греха, вонзившиеся и проникшие в самую глубь наших сердец. В отличие от женщины из хрестоматийного рассказа Носова «Огурцы», отсылавшей согрешившего сынка на растерзание к старику-огороднику, мама не оттолкнула нас тогда от себя. Она плакала вместе с нами. Не принимая на дух нечестности и лжи, мама крепко прижимала грешных человечков к себе, как будто желая защитить детей от зла, воровским образом посягнувшего на их невинность и сердечную чистоту. Вместе с разбившимися вдребезги шишечками грех воровства рассыпался в прах и обратился в небытие...

Сколько себя помню, с тех пор я всегда отводил глаза от чужого. Одно воспоминание об обольстивших нас шишечках жгло душу из-

нутри и годы спустя. Как этого достигла наша мама? В чём был безусловный успех её обращения с нами? Не знаю. Помню только её глаза, **взор**, из которого исходила вечная правда, карающая своей отчуждённостью, как порок, так и **нас**, подпавших под гибельную власть порока. Помню животворное тепло её милующих объятий, которые широко раскрылись для детей, в одиночасье отрёкшихся от греха — раз и на всю последующую жизнь.

В завершение скажу, что первым признанием на моей первой исповеди, принесённой уже в студенческие годы, был назван грех воровства, отлучающий от Бога и Его благодати.

— Украл в семилетнем возрасте ёлочную игрушку — шишечку в магазине самообслуживания.

— Бог простит тебя, — изрёк священник.

О шишечке с золотым наконечником, взятой Митенькой, я умолчал. Ведь каждый должен каяться в своих собственных грехах.

Любовь

Любовь вложена в нас Создателем, Который соделал её главным свойством и одновременно потребностью каждой разумной человеческой души.

Она посетила меня в первом, а может быть, во втором классе, вместе с появлением (зачислением в школьный коллектив) стройной, худенькой девочки, имя которой до сих пор хранит моя память. Марина Марфунина... Её огромные, чистые глаза смотрели на мир спокойно и выразительно. Кроме этих невинных очей, я помню ангельский голос, который, собственно, и стал предметом моей любви. Может быть, я был слишком мал и прост, чтобы размышлять над пришедшим ко мне чувством и над тем, как его именовать. Очевидно только,

что оно не внесло дисгармонии в детское сердце и не было причиной какого-либо страдания. Напротив, это чувство наполняло душу и раскрывало её навстречу чему-то идеальному, чистому и прекрасному...

До сих пор вспоминаю, как я окрылялся и воспарял умом над обыденной школьной действительностью во время исполнения Мариной одной песни! Эту песню знают все, чьё детство пришлось на 60–80-е годы XX столетия.

«С чего начинается Родина?..» — вот её название и начальные слова. Не уверен, что меня интересовало содержание последующих строк, вполне выдержанных в духе советского времени. Однако сама мелодия, как будто стрелой уходящая к небесам, оказывала чудное воздействие на мою отроческую душу. Может быть, в этом был виноват девственный голос Марины, мгновенно умягчавший сердце и приводивший в движение все его сокровенные струны?..

Едва лишь она начинала петь (а это бывало вовсе не часто), я забывал всё и вся вокруг себя, взирая на девочку как на «гения чистой красоты», спустившегося к нам из горнего, лучшего мира. Песня оканчивалась, но исполнительница ещё секунду стояла перед нами неподвижно, словно сотканная из грации, тишины и той сладостной печали, которая именуется любовью к Родине...

У Марины была маленькая кругленькая мама, составлявшая полный контраст тростиночке-дочке. Мама отличалась строгостью. Видимо, она по достоинству оценивала талант дочери и опекала её как несомненное дарование, которое надлежало ограждать от мирской суеты.

Помнится, я и словом не перекинулся с предметом своего бескорыстного восхищения и любви. Думаю, что это было мне и не нужно. Зачем? Ведь я **имел** её голос, который она дарила миру (а значит, и мне) с поистине божественной щедростью...

Весьма скоро Марина ушла из нашей прославленной 45-й английской спецшколы. Наверное, мама забрала дочку с целью углубить её занятия вокалом. Бог весть. С тех пор я никогда её не видел. Не слышал и её пения, которое совершенно убедило меня в правдивости гомеровских сказаний об античных мореходах, забывавших об управлении кораблём и терявших ориентацию в открытом море при мелодичных звуках, которые исходили от таинственных сирен.

Мне и сейчас, сорок с лишним лет спустя, не зазорно писать об этой любви, ибо её предмет был вполне сопоставим с красотой утренней зари или осыпанной белоснежным цветом вишни, которая привлекает своим тонким ароматом десятки пчёл, бабочек и стрекоз...

Так случилось, что совсем недавно я по необходимости (для проведения детского праздника) сочинил стихи на эту дивную мелодию патриотической песни моего детства. И она вновь зазвучала в XXI столетии в исполнении ребячьих звонких и чистых голосов. Некоторым читателям небезынтересно будет узнать, что у вдовы славного композитора ушедшей эпохи Владимира Баснера испрашивалось разрешение на официальное исполнение произведения с обновлённым содержанием. Вдова сказала: «Нет». Что же, авторские права нельзя не уважать. Но песня сама пошла путешествовать по городам России, как будто обретая жизнь во второй раз. Надеюсь на заочное одобрение свершившегося корифеем советской поэзии Михаилом Матусовским, который уже перешёл в лучший мир...

И как знать, может быть, эта песня коснётся ушей моего «чудного мгновенья» — Марины Марфуниной? «Мисусь, где ты?..»*

Чтобы не оставить читателя неудовлетворённым и раздосадованным недомолвками, приведу те новые слова, которые удивительно легко легли на всем известную мелодию.

*Последние слова из повести А. П. Чехова «Дом с мезонином».

С чего начинается Родина?
С церквушки над тихой рекой,
Со Спасова древнего образа,
С горящей свечи восковой.
А может, она начинается
С молитвы прабабки моей,
С нательного детского крестика,
С Причастья у Царских дверей...

С чего начинается Родина?
С часовни у Спасских ворот;
С Заступницы Матушки Иверской,
К Которой стремится народ.
С чего же она начинается?
С признания в детских грехах,
Отчизна моя отражается
В священника добрых глазах.

С чего начинается Родина?
С церквушки над тихой рекой,
Со Спасова древнего образа,
С горящей свечи восковой.
А где же она завершается?
В бездонной небес синеве,
Где время и вечность сливаются
В молитве о Русской земле...

С чего начинается Родина?..

Независимость

Продолжая воспоминания о детстве, отмечу одну замечательную черту в характере своего единоутробного брата Мити — самостоятельность суждений. Он никогда не вписывался в общие, стандартные рамки поведения и менее всего был склонен к растворению или просто нивелированию своей личности в бездушном коллективе. И это — с самых нежных лет! Думаю, что независимость своего внутреннего склада он унаследовал от бабушки, которая была чужда советского духа.

Как-то в конце ноября мы с бабушкой вышли на прогулку из подъезда нашего дома, близ метро Профсоюзная. Митенька сразу обратил внимание на огромную блестящую правительственную «Волгу» иссиня-чёрного цвета, почему-то захавшую в наш мирный двор. Машина

стояла у подъезда во всём её великолепии. Сверкали хорошо вычищенные диски колёс, что, между прочим, и поныне говорит опытному глазу об особом уходе за автотранспортным средством, и не какого-нибудь частника, а определённой ведомственной организации. Шёл первый снежок, что создавало праздничное настроение, и наша чёрная гостя уже была покрыта тонкой пеленой девственных снежинок, с доверием приземлившись на правительственный автомобиль. Недолго думая, братец, обладавший **творческой** натурой, подошёл к экипажу и единым движением указательного пальца оставил на багажнике свой автограф — «Митя», снабдив его затейливым завитком... Тотчас из машины выскочил грузный водитель в белой манишке и чёрном костюме. Оскорблённый до глубины души мальчишеской вольностью, он подскочил к братцу и, ловко поймав его за ухо, потянул в свою сторону. Митенька заорал, что есть мочи! Тут уже наступил черёд бабушки, которая сначала лишь безмолвно наблюдала за стремительно разворачивающимися событиями. Она подскочила к дяде, схватила его за руку, как вторая Родина-мать, развернувшись к нему всем корпусом и гневно вопрошая:

— Как Вы смеете обижать ребёнка?!

Тот, совершенно не ожидав сопротивления,

парировал вопрос своим собственным (отпустив, однако, Митенькино ухо):

— А Вы знаете, ЧЬЯ это машина?

Бабушка, никогда не питавшая симпатий к советской действительности, ибо родилась ещё при Царе-Батюшке, нисколько не смутившись, громыхнула на весь двор:

— А мне наплевать на вашу машину, чья бы она ни была! Ибо никто не имеет права хватать за ухо малыша, допустившего невинную шалость!

У служителя ведомства уже не было в арсенале ни слов, ни мыслей, чтобы продолжать словесную дуэль. Он замолк... думаю, только потому, что в глазах доблестной Були не увидел **никакого** страха.

На такой-то яблоньке выросли достойные плоды. Действительно, и моей маме свойственна эта исконно русская честность и правдивость, неумение идти на компромисс; таков был и Митенька, всегда, по тому же свойству души, оказывавшийся в самой гуще всевозможных конфликтов.

Из недр памяти всплывает характерный эпизод. На дворе март. Ещё не начал сходить снег, однако весеннее тепло сделало его плотным и влажным. Наш первый класс под руководством строгой руководительницы Альбины Викторовны Повзнер отправляется на

экскурсию в соседний квартал в какой-то дом-музей. По пути первоклашки, построенные парами, затеяли тайную игру в снежки. Когда несколько снежков пролетели мимо учительницы, возглавлявшей шествие, она обернулась и, сделав строгое лицо, громко приказала с металлическим напылением в голосе: «Всем бросить снежки! Говорю первый и последний раз!». Дух эпохи 60-х годов XX века был таков, что никто и не мог посметь ослушаться... Комки снега, уже запревшие в руках, сами собою вывалились из варежек, наподобие гитлеровских знамён, поверженных на Красной площади в 1945 году. Детская колонна продолжала кротко маршировать в неизвестном направлении, как вдруг... Альбина с чуткостью «вооружённого охранника» обернулась ещё раз — и увидела симпатичный белый снежок, доведённый до геометрического шарообразного совершенства... конечно же в руке моего милого братца! Такое преступление не могло быть забыто, прощено и оставлено без последующего наказания! Отвечать за недостаток смирения предстояло не только Митеньке, но и родителям...

Между тем, мы дошли до дома-музея. Оказалось, что в двухэтажном особняке (как и во многих других домах многострадальной столицы) успел побывать... Ленин. Мы вошли внутрь и устремили взоры, по указке экскурсовода, на почти что единственный экспонат музея — копию живописной картины «Ленин выступает перед рабочими, солдатскими и крестьянскими депутатами».

Выслушав благонамеренные речи музейного работника, сказавшего восторженные слова о главном «подвижнике» революции, мы было стали собираться восвояси, как наша классная

*Дмитрий,
пианист-
исполнитель*

руководительница уже помягчевшим тоном спросила с педагогической, утвердительной интонацией: «Дети, всем понравилась эта картина?». Смысловое ударение было сделано на слове «всем». Мы закивали головами и замычали, в знак признания высокой эстетической ценности полотна. И тут Митенька, почему-то один имевший право на собственное суждение, громко сказал: «А мне не понравилась. Какая-то мрачная...».

Не помню подробностей разбирательства дела, могу лишь завершить повествование печальным свидетельством. Мой брат так и не смог выдержать душной обстановки эпохи и того идеологического пресса, который обезличивал более покорные, чем у Мити, «смирненные» души. Он скончался тридцати лет от роду, в расцвете своего пианистического таланта, от внезапно посетившей его болезни, при ясном уме и твёрдой памяти, в детской надежде на милость Господа.

Верю, что его душа сейчас пребывает там, где сияет вечная правда и где нет места человеческому лукавству и лести...

*Барабанный
бой 70-х*

Осень

Мы ходили с Митенькой в школу всегда вместе. Нужно было проехать одну станцию метро (от Профсоюзной до Академической) и затем пройти по улице Гарибальди, чтобы достичь 45-й английской спецшколы с её неизменным и почти что бессмертным директором Мильграмом*. Учиться для нас было одно удовольствие. Вот почему мы с великой бодростью и прытью бежали от метро по направлению к школе, стараясь по пути обогнать друг друга. Во втором классе домашние нас отпускали уже одних. В Москве было спокойно в конце 60-х годов, по крайней мере, днём...

Мне вспоминается осенняя аллея, золотистые клёны, мало-помалу застилавшие ещё зелёную

*Скончался в 2011 г.

траву газонов своими роскошными листьями, похожими на человеческую ладонь с широко растопыренными пальцами... Над головой синело чистое небо, совершенно свободное от туч. В воздухе пахло свежестью, утренняя прохлада обдавала нас ветерком, в невидимых струях которого совершали свой прощальный танец ярко-жёлтые и красно-зелёные листья клёнов. Два брата-близнеца в мешковатых серых школьных формах, с ранцами за спиной, поспешали к первому уроку. Он начинался по обыкновению в половине девятого утра...

В этот раз мы вышли с изрядным запасом времени, и нам почему-то захотелось помедлить среди деревьев, кроны которых в утренних лучах солнца казались ослепительно золотыми. Мы шли рядом не разговаривая. Митя сначала пытался пройти по бордюру, не теряя равновесия, а потом ступил прямо на газон. Мыском ботинка он намеренно задевал ковёр из опавшей листвы, производя ею приятный шум, впрочем, не привлекая внимания взрослых, спешивших мимо по своим делам.

Мне трудно теперь передать словом необыкновенную атмосферу этого утра. Вроде бы всё было обыденно, как всегда... а между тем, наши души, пленённые красотой русской осени, устремились вдруг мыслью в небо, которое раскинулось над нами великолепным пологом.

Может быть, мы оба почувствовали тогда то, что я сегодня назвал бы «невыразимой тайной бытия»...

Посмотрев на своего братца, сосредоточенно прокладывающего себе тропочку среди кленового покрова, я вдруг спросил его: «Митя, а где... Бог?». Тот, нисколько не удивившись, взглянул на меня и серьёзно ответил: «Везде...». Комментариев и новых вопросов не последовало... Ещё минуту-другую мы медленно брели по газону в молчании... Всё окружающее пространство было залито светом, который, казалось, проникал внутрь нас и делал тела невесомыми, словно былинки...

Внезапно очнувшись, поправив ранцы, мы, не сговариваясь, одновременно сорвались с места и побежали по направлению к уже показавшейся вдали школе. Философская минутка прошла так же быстро, как и началась...

Судить о ней можно по-разному. Однако я до сих пор помню ответ моего брата Митеньки: «Везде...». И там, в недостижимой выси

небес, и среди весело-печальных клёнов, и между нами, никогда друг с другом не расстававшимися, — везде Бог! Устами ученика второго класса советской школы изрёк слово Своё Создатель видимого и невидимого мира! Более не сказано было ничего, однако сказанного достаточно... *Sapienti sat**!

Школьная суета захватила нас в свою круговороть тотчас, как мы переступили порог здания. Ни Митенька, ни я в тот день (равно и в последующие) не возвращались к «богословским» темам. Ничем не отличаясь от тысяч своих сверстников, октябрят и пионеров, мы были к ним, по существу, и не способны. Школьная жизнь была ключом, вращая детские помыслы вокруг нехитрых дел и уроков, забиравших, однако, все силы души и тела.

А жёлтые и медно-багряные листья клёнов всё продолжали своё осеннее кружение, устлая траву сплошным нерукотворным ковром...

Бог, бесконечно богатый в милости и щедротах, свидетельствовал нам, малышам, о Своей благодати и нетленным прикосновением положил в тот час на чистые детские сердца печать тишины, безмолвия и мира... Пусть на одно **мгновенье**. Но и поныне **в нём** — вся моя жизнь и упование...

**Мудрому достаточно (лат.).*

Молитва

Дача... Это слово для нас, городских мальчиков, звучало по-особенному... С ним связывалось всё, что только ни было заветного в жизни подростка, оторванного от родной природы большим городом. Живописные изгибы Москвы-реки, казавшейся в детстве и быстрой, и огромной*... Зелёные прибрежные холмы, стёжки-дорожки, подъёмы и спуски к самой реке, с её заводами, прибрежной осокой и деревянными мостками, излюбленным местом маленьких рыбаков... Лесные рощи, густая трава которых в течение дня сохраняла утреннюю росную влагу и радовала пытливым взглядом грибников запрятавшимися в ней подберёзовиками... Может быть, мы, мальчишки, ещё не

**В незабвенных окрестностях подмосковного Тучкова.*

умели тогда осознанно любоваться мягким, поэтичным ландшафтом среднерусской полосы, восторгаться свежим, животворным воздухом, напоённым ароматами луговых трав и цветов; но то, что природа — лес, река, небо и земля — безотчётно влекла нас в своё лоно, это не подвергается сомнению.

У сельчан родители выискивали для своих троих сыновей дачку — небольшой домик с террасой — за сходную цену на три летних месяца, а сами приезжали к нам на субботу-воскресенье в царство солнца, воздуха и воды. Помню, как с замиранием сердца в последней декаде мая мы ждали первого погожего денька для переезда на дачу... Если вдруг с утра намеченного числа шёл сильный дождь и переезд отменялся, я плакал в московской квартире горячими слезами, вызывая справедливое презрение брата-близнеца и жалостливый взор бабушки, нашей неизменной воспитательницы и благодетельницы.

Опускаю подробности переезда и вспоминаю первые минуты общения с дачей... О радость, о восторг, о вдохновенье!.. Что может чувствовать щегол, внезапно выпущенный из душной и грязной клетки на свободу? Как трепещет сердце пичуги, как бьются крылья, вдруг ощутившие давно позабытую струю воздуха — родную стихию для того, кто рождён летать! Я бе-

жал тогда по знакомым и незнакомым тропинкам, жадно внимая ушами, глазами, сердцем всему, что открывалось предо мною. Природа, казалось, распахивала мне свои материнские объятия, чтобы я окунулся в них с головой, вне себя от счастья, которое невозможно было выразить словом... Тогда я ещё не знал тютчевских строк: «Не то, что мните вы, природа: Не слепок, не бездушный лик...». И точно: она говорила со мной «берёзовым весёлым языком», как старая добрая нянюшка, наконец дождавшаяся своего любимого питомца и приголубившая его на тёплых коленях...

Крещёные с детства, однако не знавшие Церкви, далёкие от храма с его таинствами (как и наши добрые, любящие родители), мы росли без нательных крестиков и без молитв. Бог пребывал в далёкой, неведомой тайне... Он взирал на нас с высоты Своей святой славы, а мы, Его дети, **не** смотрели туда, где Он; хотя были со всех сторон окружены Его благодатью, ежедневно пользуясь Его неисчислимыми дарами. Но, впрочем... Я вспоминаю сейчас такие часы и минуты, когда моя душа, кажется, вовсе лишённая спасительного ведения, никем не наученная и не просвещённая, обращалась, сама того не примечая, к своему Создателю...

Вечерело. Солнышко, клонясь к закату, бросало мягкий розовый отсвет на водную гладь реки.

Закатав по колена штаны, совсем как на известном живописном полотне русского художника Н. П. Богданова-Бельского, я держал в руках ореховую удочку. Стоя у прибрежной осоки, напряжённо следил глазами за поплавком из гусяного пера, который пробирался среди стеблей осоки, увлекаемый вдалёк быстрым течением, насколько то позволяла длина лески. Прозрачная вода и близкое дно не препятствовали видеть суетившихся вокруг наживки (простого катышка белого хлеба) плотвичек — главного предмета моего внимания.

Дыхание перехватывало от напряжения. Рыбки почему-то проявляли осторожность и не спешили заглотить крючок, лишь слегка пощипывая хлеб. Поплавок всё время дрожал и колебался. Ему вторило и моё детское сердце, натянутое, как струна...

Отчётливо, словно это было вчера (а на самом деле, сорок лет тому назад!), помню, как мои губы прошептали тогда: «Господи, помоги! Господи, пусть плотвички поскорее клюнут! Господи!». Кто научил меня обратиться

*Н. П. Богданов-Бельский.
На послепо-
луденной
рыбалке.
1917 год*

тогда к Творцу неба и земли? Кто вложил в уста слово к Богу, которое стало первой в жизни молитвой?!

Река времени безостановочно несла вперёд свои воды... Истекло двадцатое столетие. В конце 80-х я стал священником. Вот уже пронеслось первое десятилетие XXI века... Почему, оглядываясь теперь назад, вижу склонившуюся над осокой фигурку загорелого мальчика с удочкой в руках, шепчущего в окружающее пространство непонятные для него самого слова? Не знаю. Не на всякий вопрос на земле можно найти ответ. А может быть... Может быть, тогда я не расслышал, не мог ещё услышать ответ Небесного Отца: «Вот ты ныне держишь в руках удочку и хочешь поймать этих рыбок... Пусть исполнится твоё желание... Но пройдёт известное Мне одному число лет, и Я сделаю тебя ловцом человеков... И тогда ты вспомнишь Того, Кто послал тебе удачу в сегодняшний день...».

Козлёнок

Во всём уступая Митеньке — и в физическом развитии, и в дарованиях, — я имел одно неоспоримое преимущество перед ним — умение собирать **грибы**. С ранних лет любя уединяться на природе, я постепенно научился определять и даже чувствовать, **где** растут грибы. Не читая специальных книжек на эту тему, мог распознать по роду деревьев, травы, особенностям рельефа места, скудные или обильные грибами. Как настоящий грибник, я имел обыкновение, проснувшись раньше всех, тихонько соскользнуть с кровати и бодрыми шагами направиться в ближайший перелесок, шныряя глазами, как ищейка, в поисках подберёзовиков, подосиновиков и, конечно, беленьких.

Чаще всего мы ходили за грибами все вместе: Буля, привившая нам любовь к русскому лесу,

старший брат Андрей и мы, близнецы. Бабушка, высокая, прямая, задавала темп своим размашистым шагом, так что мы с Митенькой вынуждены были чуть ли не бежать за ней. Особенно нелегко это давалось на обратном пути, когда изрядно утомившиеся, мы едва не висли на её руках.

Вот вам описание одного из таких походов. Углубившись в лесок, мы разбредались каждый в свою сторону. Митенька, прекрасно осведомлённый о моём грибном чутье, выбирал особую тактику: он следовал за мной по пятам, шаг в шаг, и старался по направлению братнего курносого носа определить, где скрывался в траве какой-нибудь крепыш-подберёзовик. Можно догадаться, как раздражала меня его беззастенчивая манера, но ничего поделать с этим я не мог. Даже мои слёзные жалобы бабушке не избавляли от преследования со стороны брата. Слава Богу, грибов доставало на всех, однако дух соперничества искал только повода, чтобы вспыхнуть с новой силой. Как-то зайдя в болотце, мы с Митей одновременно увидели на кочке маленький гриб на коричнево-зеленоватой ножке. Козлёнок! Бросившись одновременно к предмету нашего внимания, мы чётырмя руками ухватились за несчастного козлёнка и торжественно положили его в корзину среди подберёзовиков и подосиновиков,

тотчас потерявших в наших глазах всякую ценность. На обратном пути домой мы по очереди несли эту корзинку и поминутно в неё заглядывали, желая удостовериться, что козлёнку предоставлены все условия для транспортировки. В это время Андрей, который был на пять лет старше нас, донимал изрядно уставшую Булю бесконечными вопрошаниями:

— Буля-я-я, скажи, сколько камней на поле?
— Не знаю, Андрюша, — отрывисто, но мягко отвечала бабушка.

Тот не унимался:

*Счастливое
детство*

— А всё-таки, сколько?
Ну, приме-е-рно?

Своим тоненьким голоском он, наконец, довёл бабушку до белого каления, и она убыстрила шаг, чтобы скорее вывести нас из летнего пекла (мы шли по дороге среди распаханного поля). Андрюша, между тем, решил отвлечься от абстрактного подсчёта камней и, то и дело наклоняясь, начал подбирать понравившиеся ему камни, не брезгуя и увесистыми булыжниками. Подбежав к бабушке, он умолял её взять в корзинку очередной кусок породы со словами: «Ну, пожа-алуйста, Бу-уля-я! Посмотри, какой красивый камень!». Не знаю, как мы

с Митей одолели остаток

На даче пути, будучи ещё дошколятами, но энергия детских сердец вновь заискрилась, когда корзинки с грибами (и камнями) были поставлены дома на лавку для последующих перебора и чистки.

Грибное жаркое было самым лакомым для нас блюдом. Вскоре между малышами завязался спор, кто же удостоится чести приготовить козлёнка к жарке и парке. Вооружённые ножиками, мы приступили к корзине с намерением разделить грибок на две равные половины. И представьте себе... козлёнка **не оказалось** на месте. Что? Как? Почему? Все три ёмкости были тут же опорожнены, камни отложены в сторону, грибы рассортированы — напрасно: козлёнок бесследно исчез! Недолговечной была радость его обретения, чувствительной, хотя и скоропреходящей, скорбь о его утрате... Впрочем, я заметил, что Митенька несколько вяло участвовал в розыске «болотной драгоценности». Он меланхолично перекладывал с места на место принесённые Булей камни, будто надеясь среди них увидеть «беглого» козлёнка. Вид у братца был смурной, как будто он только из солидарности печалился вместе с близнецом... Не будучи сыщиком по природе, я не придавал этому значения, однако правда явилась сама собою. Митенька вскоре плохо себя почувствовал и вынужден был признаться, что он съел козлёнка сыром! Брат, видимо, страшился, что тот на сковородке может потеряться в общей массе зажаренных грибов и потому опередил события отважным, но не слишком честным поступком. Запретный плод

только кажется сладким, но по вкушению чрево всегда чувствует горечь, а сердце наполняется печалью и разочарованием.

Помнится, как в другой раз, отправившись в лес вместе с бабушкой, мы, близнецы, настолько увлеклись сбором (а грибов было видимо-невидимо), что потеряли её из вида. Наши две небольшие корзинки быстро наполнились до отказа, так что крепенькие небольшие боровички уже и не вмещались в них. Вдруг мы растерянно посмотрели друг на друга... и поняли, что Були рядом с нами **нет!** Шёл мелкий морозящий дождик, в прозрачных целлофановых накидках мы сами были похожи на двух лесовичков или гномов, сходства с которыми прибавляли палки в руках — знак **настоящих** грибников. Покликая бабушку и не услышав ответа, мы дружно заплакали, бросили наши «посохи» и начали с рёвом продираться через кустарники и крапиву, не разбирая дороги и не обращая внимания на вываливающиеся из корзинок белые грибы, которые устилали за нами путь. Почти что всё, собранное с таким трудом, возвратилось на лоно матери-земли! Через две-три минуты (о счастье!) мы увидели нашу милую Булю, сосредоточенно шуршавшую палкой среди густой травы. «Бу-у-ля, Бу-у-ля!!!» От радости побросав корзинки, мы бросились к ней, как утопающий

в морской пучине хватается за спасительный выступ скалы...

Человеческой душе так часто представляется, что она оставлена на произвол судьбы в постигнувших её испытаниях и скорбях. Всем нам присуще — не видеть дальше собственного носа. И небо кажется с овчинку, когда душа уходит в пятки. Между тем, Отец Небесный всегда бдит над нами и тотчас приходит к нам на помощь Своею благодатью, лишь бы мы с доверием Его Промыслу призывали всесвятое имя Господне...

Пасха

Пасха Христова! Как по-разному именуют её церковные песнопения! Пасха Красная, Пасха Великая, Пасха Таинственная, Пасха, двери райские нам отверзающая... Я хочу рассказать вам о тайне Пасхи, райские двери которой раскрываются перед каждым из нас в час, ведомый лишь одному Богу...

Будучи с детства крещён, я, конечно, слышал нечто о Пасхе. Моя бабушка — человек старинного воспитания, всегда пекла к Пасхе куличи. Ах, эти бабушкины куличи! Сейчас таких уже не пекут. Многие думают, что куличи делать должно лёгкими, почти невесомыми, похожими на бисквиты. Когда я был маленьким, куличи были очень большими. Бабушка выпекала их из плотного, тяжёлого янтарного теста, столь благоуханного и ароматного, что можно

было едва-едва втянуть ноздрями воздух около такого чудо-кулича и уже почувствовать себя сытым. Ваниль, кардамон, цедра, миндаль — какие только специи ни входят в настоящий «бабушкин» кулич! Всем теперь, надеюсь, понятно, что мы, трое внуков, с особенным нетерпением ждали приближения Пасхи и узнавали её... по запаху.

Убеждён, что и нынешние дети хорошо знают, как красить пасхальные яйца, а многие наши маленькие читатели разводят при этом на столе целые лужи-моря: красное море, жёлтое море, синее... Но сколько бы ныне ни изобретали химических красителей, лучше Богом данной луковой шелухи всё равно ничего не найдёшь. Только вскипяти её, а затем, широко раскрыв глаза от усердия, осторожно опускай в бурюю влагу одно варёное яйцо за другим... Какие же чудные они выходят после этого «купания»! С гладкими боками, загорелые, довольные, одно посветлее, другое потемнее. Такие яйца смело можно есть на Пасху, не боясь расстройства желудка: шелуха — это вам не искусственные красители!

*Храм иконы
Божией
Матери
«Всех
скорбящих
Радость»
на Б. Ордынке.
Художник
Н. Тамонькин.
1947 год*

Был у нашей бабушки знакомый — знаменитый в Москве регент, руководитель церковного хора. Храм, где регентовал Николай Васильевич Матвеев, находится на улице Большая Ордынка и известен москвичам по чудотворной иконе Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Тогда я ещё ничего не знал ни об иконе, ни о Самой Пречистой Деве Марии... Ведь бабушка водила нас в церковь один раз в год, на Пасху. Сейчас вспоминаю всю гамму чувств, которыми наполнялось мальчишеское сердце в далёких-далёких и многим моим читате-

лям неведомых шестидесятих годах ушедшего столетия.

Во-первых, попасть тогда на Пасху в действующий храм столицы подростку было не менее трудно, чем аргонавтам добыть золотое руно, а Иванушке из русской сказки обрести чудо — жар-птицу. Нужно было пройти, поистине, «лабиринт Минотавра» в виде заслонов и препон, составленных из патрулей милиции и комсомольцев — молодёжи, присланной с нарочитой целью — не пускать в храм подростков. Нам с братом-близнецом не исполни-

лось тогда и восьми-девяти лет. Если бы не таинственный Николай Васильевич, казавшийся мне почти добрым волшебником, живые стены и цепи бюстителей «порядка» (что это за порядок — не пускать детей в храм Божий!) никогда бы не раздвинулись, не разомкнулись. Но, о чудо! Произнесено его почти никому не слышное, но могущественное слово — и проход свободен! Уже тогда я уразумел, что советская власть не всесильна, а тем более не вечна...

Другое переживание было связано с местом в церкви, куда нас отводили во время пасхальной утрени. Как сейчас понимаю, этот укромный уголок обретался рядом с правым клиросом, которым «командовал» тот же удивительный Николай Васильевич. Вокруг меня молились люди со светлыми, радостными лицами; чуть поодаль огромный хор, как один человек, громогласно славил Христово Воскресение, а я стоял... и боялся. Мне казалось тогда, что кто-то из близ находившихся мужчин подослан с целью следить за нами и затем сообщить «куда следует». Недетская тревога бередила тогда мою бедную душу, ещё не обращённую ко Господу в живой и радостной вере. И кажется сейчас, что благодать сходила на сердце, лишь когда мы оказывались дома у ближайших родственников, живших на Большой Молчановке, у Нового Арбата. В хорошо

знакомой мне огромной квартире (читатели ещё о ней услышат) с длинным-длинным коридором было много картин-подлинников известного русского художника Валентина Серова. Мы садились за праздничный стол, а на меня глядело со стены знаменитое полотно «Похищение Европы» (и о нём речь впереди). На быке, разрезающем волны своей могучей грудью, сидела грациозная женщина — Европа — и смотрела на меня загадочным взглядом. Не знаю, как Европа, а русские люди даже в те нелёгкие годы умели праздновать дома Светлое Христово Воскресение! Здесь не было ни милиции, ни комсомольских патрулей, зато собирались сродники и друзья, милые сердцу лица. На стол ставили ароматную пасху в форме трёхгранной пирамиды, на боках которой отпечатывались голубки и заветные буквы «ХВ». Разрезались куличи (почти такие же вкусные, как у бабушки), и все начинали «разговляться», хотя пост моя родня тогда ещё не соблюдала. Подлинная церковность пришла к нам позднее...

Детская душа ликовала; как могла, она вслушивалась в оживлённые разговоры взрослых, вбирала в сердце пасхальное веселье, с его праздничными яствами, радостью семейного общения, ночным временем, когда почему-то совсем не хотелось спать... — но не понимала

лишь одного: почему, почему хор в церкви без умолку, не переставая, на все лады пел «Христос воскрес»? Почему родственники, ничего нам, маленьким, не объясняя, троекратно целовали друг друга в щёки с теми же словами «Христос воскрес»? Что означал ответ, который я повторял устами, не понимая смысла слов, в нём содержащегося: «Воистину воскрес!»?..

Спаситель наполнял мою душу ощущением пасхального торжества, но Сам покуда не являл Своего светлого лика; Он, наш смиренный и кроткий, долготерпеливый Господь, ведал, что время ещё не пришло... И лишь годы, годы спустя душе моей суждено будет припасть со слезами покаяния и исповедания к стопам Того, Кто оставался неизреченно милостивым, но до времени неузнанным...

Подростки

Как вы помните, дорогие читатели, природа и общение с ней значили для нас, братьев-близнецов, очень много. Войдя в отроческий возраст, мы готовы были летом день-деньской проводить у речки, на свежем воздухе, который вместе с солнцем и водой входил в число наших лучших друзей.

Сознавали ли мы своё счастье? Думаю, в полной мере — нет... Нет, потому что, купаясь в милостях Творца, не знали Его и не умели благодарить за непрестанные благодеяния. И всё же...

Иногда моя душа вдруг останавливала внимание на определённом предмете и, чувствуя его бесконечную значимость, приходила к пониманию неповторимости переживаемого момента. «Остановись, мгновенье!» «Не повторяется, не повторяется такое никогда!..»

Вот мы с братцем отправляемся на речку, предварительно решив напиться воды из родника, который бил сильной струёй из металлической трубы, поддерживаемой гнутыми скобами в горизонтальном положении. Я по обыкновению чуть поотстал и вдруг увидел, как Митя, в одних плавках, стройный, загорелый мальчик, с совершенно выцветшей от солнца белобрысой шевелюрой, подходит к источнику и наклоняется над ним, чтобы утолить жажду. Над родником нависают ветви ольхи, покрытые сочной летней листвой. Сквозь густую крону деревьев пробиваются яркие лучи полуденного солнца и освещают смуглую фигурку брата, который стоит в центре открывшейся мне композиции.

Журчит проточная вода, она выплёскивается из трубы на блестящие камни и весело стекает вниз, туда, где стою я, созерцая заворочившую моё внимание статичную картину...

Не знаю, почему сердце внезапно подсказало мне запечатлеть в памяти увиденное... Образ цветения юности, всегда прекрасной, дышащей безыскусной радостью и довольством. Живая природа, обрамлявшая силуэт брата, напоминала первозданную красоту райского сада...

Проточная вода несла с собой жизнь, к которой жадно стремились растения, птицы,

люди...Тихий внутренний голос сказал мне тогда, что всё на земле скоротечно и переменчиво.

Сердце почувствовало прилив любви к братцу и, вместе с тем, — невнятную тревогу за его судьбу... Нам было тогда по восемь лет. А на тридцатом году жизни Господь призвал в Свои обители Димитрия, в расцвете творческих сил, предварительно смягчив сердце брата лютой болезнью, возвратив его душу к подлинной чистоте и доверию непостижимому Промыслу Божию...

А тогда мы, не задумываясь о завтрашнем дне, побежали после источника к реке, забыв об обеденном времени и бабушке, ожидавшей нас с банкой молока и тёплым белым хлебом на веранде дачи, окна которой смотрели на прибрежные холмы.

О жизнь! Воистину, ты хрупка и можешь оборваться в одиночасье при недостатке здравой осторожности и особенно молитвы — достоянии лишь немногих счастливых, имеющих ведение...

Вдоволь наплававшись, мы решили, «ради удали молодецкой», поднырнуть под водокачкой, вернее, под металлической пристанью, с ней соединённой. Митенька, не дав мне хорошенько подумать, тотчас блистательно осуществил намерение, вынырнув с другой стороны

Подростки

*Дмитрий
и Артемий
на даче*

понтон. А я? Неуверенный в своих силах, я последовал его примеру и, попытавшись вынырнуть на середине пути, вместо того пре-
большо ударился макушкой о металлическое

дно пристройки. Находясь под водой, я судорожно загребал руками, плывя в крошечной темноте, чувствуя, что через одну-две секунды начну вместо живительного воздуха глотать воду. Паника не успела овладеть мной, как неожиданно я оказался на свободе и, вынырнув, жадно **задышал**, созерцая ослепительную синеву небес над головой...

Господи! Тебе угодно было тогда сохранить мою жизнь, глупого и нерассудительного человеческого детёныша, не успевшего ещё познать Тебя и потрудиться во славу Твоего имени!..

Ни родители, ни бабушка не узнали тогда ничего о нашей смертельно опасной проделке. Впервые я пишу об этом сорок лет спустя...

Ведь в то время мы ещё не носили крестиков, значимость которых выражена в самом их написании: «Спаси и сохрани!».

Тогда никто из взрослых ещё не осеял нас в напутствие крестным знамением со словами: «Дети, да сохранит вас Бог!». Но ангел Господень, хранящий крещёных детей от внезапной гибели, невидимо вёл нас по жизни, ожидая, куда спадёт с наших очей пелена и они ясно увидят над собой благодетельную десницу Господню...

Четвероногие друзья

В самые голодные военные годы моя бабушка, оставшись одна в холодной Москве, с тремя малолетними дочерьми на руках, совершила тяжкий **для неё** грех. Может быть, это и не был грех, ведь она спасала от голода собственных детей, но **так** она восприняла свой поступок, после которого дала себе обещание, что в её доме всегда будут четвероногие друзья — собаки.

Держать собак в собственной квартире не слишком вяжется с устоями православной семьи, но, напоминая читателям: мы все были тогда (и взрослые, и дети) очень далеки от воцерковления.

Первым животным нашего детства был Дружок, умная, «совестливая» и, в соответствии с

*Буля, Андрей
и Артемий*

именем, на удивление преданная семье собака. По-моему, бабушка подобрала Дружка где-то на улице, за что пёс платил ей неизменным послушанием и любовью. Говорят, что на домашних животных воздействует дух их хозяев, так что часто бессловесные обнаруживают как бы начатки совести и иногда «учат» своих владельцев жить и поступать по-человечески. До сих пор передо мной — крайне выразительные, печально-покорные и безмолвно-любящие глаза Дружка, который охотно прощал нам все вольности неразумного детского обращения с ним,

дворнягой довольно почтенного возраста. Помнил ли он обстоятельства своего водворения в нашем доме? Не знаю. Во всяком случае, Дружок никогда не позволял себе ни огрызнуться, ни тем паче укусить никого из нас, своих беспокорных маленьких хозяев. К сожалению, добрый пёс попал под машину. Его смерть была первым настоящим горем для нас, братьев-близнецов.

Следующей оказалась гордая и самолюбивая, красивая, как огонь, Пилка, ирландский сеттер. Насколько она была породистой, настолько и отличалась своеобразием от смиренного и покладистого Дружка. Похоже, Пилка имела холодное собачье сердце, которое ни к кому никогда не привязывалось. Немало бед мы, мальчишки, хлебнули с ней! Во время прогулки она часто куда-то убегала, не считая нужным ставить нас в известность, когда вернётся и вернётся ли вообще. Конечно, можно понять её вольнолюбивую натуру: созданная для охотничьих просторов, Пилка откровенно томилась в тесноватой московской квартире. Она отводила свою душу только летом, без устали бегая по холмам, по долам, нагуливая красоту и силу.

Соседство с домашними животными положительно влияло на наши характеры. Ответственность за живое существо, необходимость

гулять с ним утром и вечером, кормить и всячески заботиться о нём — хорошая инъекция против детского себялюбия и капризов. Как-то на одной из собачьих выставок (а Пилка была у нас постоянной медалисткой) в неё просто влюбился страстный охотник с редким именем Аполлон. Он так настойчиво донимал мою бабушку просьбой продать ему огненную Пилку, что она, поначалу не желая даже слушать Аполлона, наконец, уступила его пылу... — и мы расстались с нашей ветреной четвероногой красавицей.

Хочу признаться, в связи с рассказом о животных, в одном ужасном поступке, который положил тёмное пятно на моё детство. Помню, как совсем маленьким мальчиком я гонялся у Кругов*, в их латифундии, за крошечным котёнком и, поймав, хватал его за хвост, поднимая несчастную тварь на воздух. Что это за всплески непонятной жестокости? Думаю, лукавый пользуется тем, что многие дети лишены благодати Святого Причастия и, свободно приступая к ним, смело нашёптывает омерзительные вещи, желая замарать юные души злом, похотью и гордыней...

Домашние животные (будь то даже черепашки, рыбки или попугаи), требуя от домохозяев постоянных трудов и забот, служат умягчению детских сердец, препятствуя духу

Четвероногие друзья

жестокости завладевать ими. Мы с братцем, по крайней мере, всегда испытывали отвращение к кровавым дракам, и ударить человека по лицу для нас представлялось вовсе невозможным. Во многом этому способствовало, я уверен, привитое нам старшими гуманное отношение к животным. А ведь и у премудрого Соломона написано в его библейских притчах: «Блажен милующий скотов»**.

*Мама
и Артемий
с Шенси*

*Фамилия Круг принадлежала мужу маминой двоюродной сестры Ольги.

**Ср.: Притч. 12, 10.

Наконец, расскажу о нашей последней собаке Шенси, элитной представительнице древней китайской породы чау-чау, с характерным чёрно-синим языком и невообразимо густой и пышной шерстью, которая делает этих четвероногих похожими на шерстяных колобков. Сколько дач мы сменили, сколько лесных тропок исходили с этой удивительно симпатичной и милой Шенси! Кстати, её родитель, широкогрудый Джаник был собственностью Серовых, с которыми мы всегда вместе проводили летние вакации. Там пушистый отец встречался с рыжей дочкой под одной крышей и вполне мирно с ней уживался, уча её степенности, великодушию в отношении к окружающей действительности и неукоснительному соблюдению собачьих правил хорошего тона.

К старости Шенси серьёзно заболела, может быть, и по моему недосмотру; так что, следуя совету взрослых, мне пришлось отвести её к ветеринару для усыпления. Не знаю, понимают ли четвероногие друзья драму жизни, но, несомненно, её чувствуют. Когда Шенси забирали врачи, она так печально и обречённо взглянула на меня, что я до сих пор раскаиваюсь в своём поступке. Он, хотя и не был преступлением, по человеческим меркам, но, посягнув на любовь-привязанность неразумной твари к её хозяину, отзывался болью в сердце подростка.

Сейчас я прихожу к мысли о мудрости православного уклада, возбраняющего держать четвероногих в наших жилищах. Не только собаки, но и кошки мучаются в душных городских квартирах, где хорошо лишь канарейкам да хомячкам, не приспособленным к жизни на воле. Другое дело — загородный дом с угодьями и предназначенным для мохнатого друга особым дворцом под названием «конура»! Свободно на деревенском при-
волье нашим бессловесным спутникам, призванным либо охранять человека, либо охотиться за дерзкими мышами, которых так неодолимо влечёт к себе запах знаменитого голландского сыра...

*Дмитрий
с Шенси
и Джаником*

Сочувствие

Как хорошо, когда маленькие окружены вниманием и заботой любящих их взрослых! Сильные, здоровые, красивые родители одним своим внешним видом настраивают сердца детей на мажорный лад. Чадам хочется петь и смеяться, прыгать и бегать, делиться с миром всеобъемлющей радостью сыновства — Божьего неоценимого дара, осознать который по достоинству ребёнок, как правило, не может. Не всегда и родители понимают, что главным воспитательным средством для них служит не слово, а **образ их жизни**.

Не помню, чтобы мои родители (мама и отец, заменивший нам, троим мальчикам, отца) когда-либо ссорились! Теперь-то мне ясно, что их спокойная речь, мирные собеседования друг с другом, мягкие и приятные

улыбки во время диалога — всё это ложилось в основу нашего благобытия, незримо воздействовало и формировало склад детской души и самое видение мира, мирочувствие.

В памяти осталась лишь одна малая раз-молвка, которой я был невольным свидетелем. Сейчас догадываюсь, что мама и дядя Лёня, как мы звали отчима, никогда не позволяли себе выяснять отношения в присутствии детей.

Зимний воскресный день. Семейный поход на лыжах в Зюзино, тогда московской окраины. Яркое солнышко полагало на сугробы ослепительные отсветы. Холодный воздух раскрасил румянцем щёки взрослых и ребят. Устав от лыжной ходьбы, мы сделали маленькую остановку посреди заснеженного поля, близ дерева с развесистой кроной. Дядя Лёня, с рюкзачком за плечами, в спортивной одежде, опёрся на лыжные палки, воткнутые под углом в землю. Мама с приветливой улыбкой и ласковым взглядом, раскрасневшаяся от быстрой езды, весело посматривала в нашу сторону. Родители стали обсуждать дальнейший маршрут движения. Возникло неожиданное несогласие во мнениях, и до нас до-неслись интонации спора на слегка повышенных тонах. Внезапно они смолкли, потому что обратили внимание на нас... Всё! Поразительно, но этот эпизод запечатлелся в

моей детской памяти, хотя взрослые забыли о нём через минуту-другую...

О, дивная гармония единодушия и единомыслия человеческих сердец, волнами мира и любви распространяющаяся вовне и преображающая поля, леса, доли, землю и самое небо! Беда, скорбь и горе от бесконечного столкновения характеров, скрещивания словесных копий, смертоносной энергии раздражения и гнева, убивающей на своём пути всё живое... Но мне, дорогие читатели, хочется сказать и рассказать сейчас о другом...

Однажды мы отправились вдвоём с дядей Лёней в гости, к московским родственникам мамы. Думаю, мне было тогда лет семь-восемь. Молча, как это бывает в обществе понимающих друг друга без лишних слов мужчин (большого и маленького), мы шли от метро по улице и, наконец, завернули во двор, где земля оказалась сплошь перекопана по причине строительных работ. Решившись сократить путь к подъезду, отчим повёл меня напрямик, к разрытой рабочими траншее. У подъезда нужно было перепрыгнуть ров и приземлиться на пологий цинковый скат, примыкавший к ступеням крыльца. Я сделал это первым. Дядя Лёня перешагнул траншеею и, ступив на наклонённую плоскость, потерял на секунду равновесие. Я успел протянуть ру-

чонку и вовремя поддержал его, после чего он тотчас выпрямился, мягко мне улыбнувшись. Более, кажется, ничего...

Однако в тот самый момент, когда отчим опёрся на мою руку, неловко присев после прыжка, я почувствовал, что в моё сердце мгновенно вошла жалость, смешанная с удивлением. Как это так?! Дядя Лёничка, такой сильный и ловкий, служивший для нас олицетворением красоты, порядка и порядочности, вдруг оказался почти что на земле?! И он нуждался в моей помощи?! И я ему помог?! Оказывается, в этом моё предназначение!

Милые родители и на самом деле зависят от своих детей, полагая в них свою опору и утверждение... Нам должно их беречь, поддерживать и защищать от всех опасностей, которыми изобилует этот жестокий мир! Неведомое до-

Дядя Лёня

толе, такое взрослое чувство сочувствия и любви к отчиму и матери, ответственность за их здоровье вошло в мою душу, в мою жизнь совершенно внезапно и... поселилось в сердце.

Признаюсь, впрочем, что вовсе не всегда и совсем не так остро оно свидетельствовало о себе в различные годы жизни, но теперь... теперь, когда родители стали очень немощными, я часто мыслью возвращаюсь в прошлое... Старенький дядя Лёня ныне едва ходит, большей частью лежит. Он лишь молча улыбается в ответ на вопрос о здоровье и оптимистически-благодушно разводит руками: мол, куда не денешься, годы берут своё*...

А я запомнил его совсем молодым, гибким, подтянутым, с доверием опершимся на мою простёртую вовремя руку и с благодарной секундной улыбкой принявшим помощь — взрослый отец от маленького сына — как аванс той огромной долговой суммы, которую мы, дети, никогда не сможем сполна выплатить своим родителям...

**Едва эта книга была закончена, как дядя Лёня мирно скончался, исповедавшись и приобщившись Святых Христовых Таин.*

Братство

Главная беда нашего народа — в его разобщённости. Удивительно! Крещёные люди должны бы из своего духовного опыта черпать мысли и силы к единению; ведь мы, по Евангелию, единое тело, оживляемое нетленной Главою — Господом нашим Иисусом Христом. Но на практике, на трагических примерах Отечественной истории XX века, убеждаемся, что вся наша жизнь — вереница сплошных поражений и нескончаемых бедствий. Почему? Да потому, что мы позволяем расчленять свою страну, свои семьи и самих себя, день ото дня умножая самый страшный грех — грех убиения утробных младенцев... «Когда мы едины, тогда непобедимы», — навеки изрёк святой Иоанн Златоуст, Патриарх Константинопольский. И закладывается это единство в семье, во взаимоотношениях сродников, домочадцев, а особенно братьев...

Наша бабушка никогда не отпускала своих внуков ни в какие пионерские лагеря. Читатели уже знают, что долгие летние каникулы мы проводили на съёмных дачах в сельской местности. Исключение из правила было однажды сделано родителями в зимнее время, на каникулах, когда предоставилась возможность от маминой работы (она всю жизнь преподавала физику в Московском энергетическом институте) получить для нас две путёвки в спортивный лагерь неподалёку от Москвы, в Фирсановке.

Помню, как с рюкзачками за спиной мы с Митей (а нам было лет по десять-одиннадцать) в сопровождении мамы прибыли рано утром на место сбора. В большом вестибюле института всем «лагерникам» выдавали маленькие бумажки, которые почему-то назывались «памятками», с информацией о начале и окончании смены. Бумажки, действительно, весьма скоро помялись у нас в карманах и пропали, неким образом оправдав своё диковинное название. К сожалению, у меня не хватит ни времени, ни бумаги, чтобы описать всё, что сохранила в своих кладовых память. Вспоминается наш тесный кубрик, где разместилось человек семь или восемь. Неубранные кровати, которые нужно было заправлять к приходу вожака того... Удушливый запах прелых шерстяных

носков, разложенных на батарее для просушки после спортивных состязаний. И весьма тесное двадцатичетырёхчасовое общение между собой случайно собранных сверстников, съехавшихся в лагерь на зимние каникулы.

Мы с Митей очень любили играть и в футбол, и в хоккей, всегда выступая в одной команде. Будучи хорошо сыгранными, без слов понимая друг друга, мы привыкли одерживать победы, невзирая на лица противников. Между тем, честолюбие юнцов не каждый раз могло снести поражение от каких-то «салаг» — так именовали младших по возрасту соперников. Взять не мастерством, так плутовством, не жульничаньем, так силой — наши оппоненты не останавливались ни перед чем, только бы не допустить своего фиаско! Вы уже знаете, каким борцом за справедливость и подлинным правдолюбцем был мой близнец Митя. В

таких случаях он закрывал глаза на опасность и шёл напролом, вовсе не принимая в расчёт превосходящие силы соперника. Как бы то ни было, мы весьма скоро впали в немилость у авторитетного в лагере парня по прозвищу Агафон. Этот Ага-

фон вовсе не соответствовал прекрасному значению этого имени*. Будучи тонким и лукавым дипломатом, не имея возможности лично отомстить нам за поражение в честном спортивном поединке, он пошёл на сговор с деревенскими ребятами, или, в просторечии, «шпаной». Пока мы с Митькой грелись в лучах неожиданно пришедшей славы, паутина заговора искусно плелась вокруг нас. К сожалению, мы дознались до всего слишком поздно.

Однажды мы с братцем отправились на лыжную прогулку неподалёку от лагеря. Была замечательная погода: «мороз и солнце — день чудесный!». Увлёкшись крутым спуском с при-

*Агафон (греч.) — благой, добрый.

брежного холма в заснеженную пойму реки, мы не заметили, как оказались в окружении деревенских парней. В толстых душегрейках, опоясанные солдатскими ремнями, они медленно приблизились к нам, остановившись на расстоянии нескольких метров. Интуитивно всё поняв и имея за плечами печальный детский опыт, я даже не успел испугаться. Бежать было некуда и незачем. Мы оставались с братцем в этой снежной ловушке совершенно одни, беспомощные, обречённые на поражение...

— Эй, чтой-то вы вчера моего друга на обидели, отобрали у него клюшку, а? — завёл свою песню один из «аборигенов».

— Какую клюшку? Да зачем нам чужие, у нас свои клюшки есть, — залепетал я в ответ на бессовестную клевету.

— Ах, у вас свои есть! — торжествующе завопил предводитель. — Вот мы сейчас вас бить будем!

С этими словами он поднял валявшуюся рядом небольшую ель, видимо, выброшенную за ненадобностью после новогоднего праздника. На ней ещё виднелись остатки серпантина и серебристого дождя. Схватив ствол за маковку, он стал со свистом вращать его над своей головой, подходя к неподвижно стоявшему Мите. Почему к нему, а не ко мне? Кажется, что братец, разобравшись в чём дело, проши-

пел сквозь зубы какое-то нелицеприятное словечко. Оно («сволочи») ещё в XIX веке было литературным и относилось к случайно собравшемуся сброду, люду с праздными или неопределёнными намерениями. У меня защемило сердце.

— Слушай, уж лучше меня бей, — запричитал я, а потом почему-то добавил:

— А клюшки мы вам и так дадим, если надо.

О человеческое сердце! Насколько мы недооцениваем силу сочувствия и сопереживания! Ещё не зная ни одной молитвы и не ведая, что это такое, не умея взирать с мольбой на Небо, я **простёрся душой** к братцу Митеньке, оказавшемуся в опасности, и проявил лишь малый намёк на жертвенность, которая является первым плодом сердечной любви... И что же? Мои уста тотчас изрекли то, что мгновенно развернуло угрожающую ситуацию на 180 градусов. Слух у агрессора оказался удивительно тонким.

— Вот это дело!

Опустив ель, он обратился ко мне с явно заинтересованным и потому уже человеческим выражением лица:

— Так что, пойдём за клюшками?

— Конечно, пойдём, они там, в лагере.

С душевным облегчением в проходной лагеря я вручил этим «милым созданиям» обе наши клюшки, которые они тотчас ощутили и обню-

хали, признав таким образом их добротность и соответствие стандартам. При расставании деревенский вожак, снисходительно-покровительственно похлопав меня по плечу, сказал:

— Если кто вас в лагере тронет, только шепни: будут иметь дело со мной, ясно?..

Так наёмные исполнители казни стали нашими друзьями, если только это слово уместно для подобного рода отношений...

А я, мысленно возвращаясь к страшной минуте неравного противостояния и счастливой его развязке, не могу не увидеть Господней десницы, которая, коснувшись на миг моего бедного сердца, умягчила «варваров» через мудрое слово, слетевшее, по воле Божьей, с дрожащих от страха губ...

Первенец

Пришла пора воздать должное нашему старшему брату Андрею*, первенцу, пятью годами опередившему появление близнецов на свет Божий. Говорят, что один-единственный ребёнок в семье с большим трудом восходит к высотам нравственной жизни, будучи обречён на целожизненную схватку с эгоизмом, себялюбием, преследующими его с детских лет. Если детей двое, то им вольно-невольно приходится сталкиваться с духом соперничества, ревнования друг друга к родителям, что накладывает особый отпечаток на взаимоотношения с людьми и в зрелые годы. «Троица» — счастливое, любимое Богом число! Когда ребят трое, они интуитивно познают в этом «священном

*Андрей (греч.) — мужественный.

*Навстречу
эпохе*

союзе» мистическую полноту, а сама жизнь предстаёт перед ними в неизреченном многообразии. В последнем случае само собою происходит раскрытие душевно-телесных сил каждого ребёнка в трудах взаимной заботы и любви. Впрочем, дорогие читатели, эти размышления никоим образом не претендуют на обязательность...

Андрей, старший брат, всегда возвышался над нами, близнецами, наподобие гигантского дерева с обильной вечнозелёной листвой. В многоветвистой кроне исполина, под его сенью, мы укрывались, словно малые пичужки, беззаботно воркующие среди колеблемой прохладным ветерком листвы. Андрей по необходи-

*Мама
с Андрюшей*

мости был первопроходцем. Он всегда предвлял нас на дороге жизни. Юность раскрывала пред ним двери своих чертогов, а он медленно прощался с отроческими годами, подобно тому, как приглашённый в великолепный дворец гость тихо проходит через анфиладу комнат, из одной в другую, любуясь их интерьером и делясь впоследствии своими впечатлениями с непосвящёнными. Андрей учился старшинству и обретал опыт опеки над нами ценой собственных ошибок.

Как сейчас помню эпизод давно минувших лет, вновь встающий перед моим мысленным взором. Мы с Митей, учащиеся младших классов, сидим по бокам старшего братца, который держит в руках коробочку, только что доставленную из бабушкиной кондитерской. В матовые листы бумаги упакованы сладкие хлебцы с изюмом, аппетитно хрустящие на зубах. Один за другим, Андрей разворачивает эти чудо-хлебцы (не нахожу ныне на прилавках ничего подобного!) и меланхолично-сосредоточенно отправляет их в собственный

*Андрей
с мамой
в деревне*

рот, в который мы с Митенькой подобострастно смотрим снизу вверх. Первенец не обращает на нас ни малейшего внимания, но и не прогоняет нас, милостиво позволяя сидеть у его ног... Так восточный деспот приближает к себе преданных визирей в тронной зале. Те счастливы самим соседством с обожаемым властителем, существом, слепленным из иного теста и потому питающимся **особо**, вкушающим пищу, недоступную простым смертным... Примечательно, что у нас с Митей не было тогда в душе никакого возмущения или недовольства. Мы смиренно созерцали происходившее и покорно ожидали своей участи. Нам надлежало либо

оставаться немymi свидетелями тотального опустошения братом коробочки с турецкими хлебцами, либо получить единичную подачку от «высочайшей персоны». Не знаю, чем бы кончилось дело, если бы вдруг наше голодное безмолвие не было нарушено внезапным появлением мамы.

— Андрей! Что ты себе позволяешь?! Да как же тебе не стыдно?!

Ах, наша жизнь! Кто изведал и постиг твои коловращения? Колесо фортуны стремительно вращается — и вчерашний баловень судьбы познаёт суровую правду бытия... Справедливость восстановлена, материальные блага, отчуждённые от толстосума «без аннексий и контрибуций», распределены поровну среди неимущих элементов, которые в одиночасье вознесены десницей Провидения «из грязи в князи»...

Не премину засвидетельствовать, что подобных случаев больше не было во все последующие годы нашего братства. Андрей отличался особой смыслённостью и рассудительностью. Нравственное чувство, набравшее в нём силу вместе с телесным ростом, учило его никогда не наступать на одни и те же грабли...

Своё служение защитника «униженных и оскорблённых» он начал выполнять с подростковых лет. Зима... «Мороз — красный нос...» Детвора высыпала на улицу и собралась близ горки, где взрослые залили небольшое пространство и устроили каток, казавшийся нам, мелюзге, огромным ледяным озером. Чёрная резиновая шайба стала главным предметом жадного вни-

** Предполагалось, что хлебцы были изъяты старшим братом без дозволения взрослых.*

мания двух хоккейных команд, копошившихся на ледяном насте. Треск простеньких клюшек, возгласы и визги мальчишек, горькие слёзы поражения и торжествующие улыбки победы... Из предыдущей главы читатели имели возможность узнать, чем обыкновенно оканчивались дворовые турниры... Увы, история повторяется на всём протяжении столетий, которые мелькают, словно падающая в воздухе листва, уносимая куда-то вдаль порывами ветра...

Мой брат Митенька с детства бывал битым, а заодно с ним и я. Старший по возрасту мальчишка со странным прозвищем Макака, возможно, усвоенным им не без удовольствия, ни с того, ни с сего вдруг накинулся на нас и в две секунды разбил нам носы до крови. С рёвом мы побрели домой, ещё не понимая, что за всякую честную победу, одержанную в этой земной юдоли печали, необходимо платить «чистой монетой» спасительных скорбей. Дома нас встретил Андрюша, только-только пришедший из школы и ещё не успевший снять с себя серую «мышиную» форму старшекласника. Осведомившись о происшедшем, брат быстренько накинул на себя куртку и попросил нас отвести его на место «ледового побоища». Игра шла во дворе своим чередом. Ступив на середину площадки, братец, словно строгий арбитр, возгласил:

— Кто здесь Макака?

Школьники

— Ну, я Макака, — вызывающим тоном ответил зачинщик смуты, уступавший Андрею и в возрасте, и в физической силе. Дерзость нашего обидчика объяснялась его крепкими дружественными связями с «метростроевцами», о которых помнят наши самые внимательные читатели.

— А раз Макака, то и получи, — односложно отвечал брат, отправив дуэлянта в классический нокдаун резким ударом правой...

«Действие равно противодействию» — некогда сформулировал Исаак Ньютон непреложный закон бытия. Реванш, взятый нашим тандем, неминуемо должен был иметь свои необратимые последствия. Чтобы не утомлять вас, друзья, затяжным описанием военных сражений и боевых поединков (достаточно для этого вещего Гомера с его «Илиадой», не правда ли?), завершу главу словесной жанровой картиной.

Как сейчас вижу милого моему сердцу старшего брата понуро сидящим у подъезда на низеньких перильцах, которые отделяли проезжую часть от самого двора с уже упомянутой злосчастной спортивной площадкой. Невесть откуда налетевшие «ястребы» только что задали Андрею трепака, разбив его лицо жестокими коллективными ударами метростроевских кулаков. Свесив головушку, он собирается с силами, чтобы добраться до дома и «зализать» боевые раны. Мы с Митей ещё не были способны утешить словом нашего самоотверженного защитника. Однако лучшим подтверждением этого намерения стали слёзы, мгновенно закипевшие на глазах близнецов. Немая, но красноречивая сцена... Нет, никогда не забыть мне её!

Где-то нынче Макака, лишённый в детские годы человеческого имени? Жив ли или «ото-

Первенец

*Первенец
Андрей –
игумен
Сергий*

шёл к отцам» своим? Бог весть... Время врачует и примиряет всё и всех. Благодаря «человекообразным»... сплывались **наши** кровные и дружеские узы, а, значит, и им, представителям противоположного дворового лагеря, Господь уготовал Свою милость, ожидая от каждого из нас покаяния. «Всех Он заключил в непослушание, чтобы всех помиловать», — премудро изъясняет драму истории народов святой апостол Павел*.

Между тем, старший мой брат уже давно совсем не Андрей... Он получил от Господа иное, **иноческое** имя и, устав от «битв и житейских волнений»**, пребывает ныне в тиши древней русской обители. Там он питает душу «сладкими звуками» церковных песнопений и молитв. Вполне оправдав значение своего **первого** имени, **первенец** взошёл от детских подвигов во имя земной справедливости к трудам пастырского окормления бессмертных душ.

*См.: Рим. 11, 32.

**А. С. Пушкин «Поэт и толпа»:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Дядя Лёня

Так мы звали мужа нашей мамы, отчима, который вполне заменил нам отца, раз оступившегося и оставившего семью. Марина (мама) в студенческие годы отличалась необыкновенной привлекательностью. Но это была не бросающаяся и тем более не хищная красота современных див, не имеющих за душой ничего, кроме желания выставить напоказ свои сомнительные прелести.

Светлая, радостная, целеустремлённая, с длинной и толстой косой, мама конечно же была предметом внимания и бескорыстного восхищения многих сокурсников. К ним принадлежал и Леонид, скромный юноша, с удивительно приятной улыбкой и добрым, застенчивым взглядом. Отец его погиб на войне. За своей родительницей Леонид ухаживал до по-

С высоты птичьего полёта

Мамина
юность

следних лет её жизни, как за царицей. Он умел любить молча и в служении ближнему отдавал всего себя.

*Студенческая
группа*

Входя в круг ближайших друзей мамы (уже сделавшей свой выбор), Леонид ни словом, ни делом никогда не намекнул ей о своих чувствах. Глубоко спрятав их, он самоустранился в той мере, в какой совесть подсказывала ему, как выстраивать отношения с молодой семьёй своих коллег. Время шло... Чистая и честная, мама не могла поступить иначе, нежели раз-

вестись, узнав (а разве можно утаить шило в мешке?) о неверности супруга...

Мы с Митенькой ходили тогда в детский сад. Незаметно, с великой деликатностью и ненавязчивостью дядя Лёня вошёл в нашу жизнь как ангел любви. Нелишне упомянуть, что его крестили целых три (!) раза; и всякий раз кто-то из родственников настаивал на этом, не зная об уже совершённом над ним крещении. Советская молодёжь тогда воспитывалась в материалистическом духе и, соответственно, в полном отторжении от храма с его святыней... Не тем ли замечательнее

Бракосочетание

проявления подлинного благородства и нравственной чистоты в военном поколении, ещё не познавшем Христа?

Я мысленно оборачиваюсь назад, и мой взор уходит в далёкое детство, в «суровую зимнюю пору», когда мама гуляла с нами в Нескучном саду, знаменитом месте отдыха москвичей. Снегу навалило много выше колен. Мы, трое мальчиков, наслаждались досугом (часов не наблюдая) и бесконечное число раз съезжали на простеньких лыжах с крутизны холма. Захлёбываясь от восторга, маленькие лыжники на-

рочито падали в «белые снега», оглашая пространство радостным и беззаботным смехом.

Можете себе представить, друзья, в каких снеговиков мы превращались во время прогулки! Снег набивался в валенки, в варежки, в рейтузы, в меховые шапки, а щёки мало чем отличались от малиновых грудок снегирей, иногда слетавшихся сюда по двое-трое и опасно поглядывавших на детвору с ветвей окрестных деревьев. Но вот время гулянья подходило к концу...

Мама уже зовёт нас в обратный путь и первая начинает подыматься на горку, по направлению к выходу из парка. За ней карабкаемся мы, облепленные с ног до головы снегом, то падая, то вставая, благодаря скользким калошам, и со смехом продолжая сизифов труд восхождения. А позади всех... Позади шёл дядя Лёня, согбенный под тяжестью трёх пар лыж, которые весили, видимо, вдвое тяжелее их собственного веса, из-за густого слоя налипшего снега.

Таким он и остался в моей памяти — безмолвным спутником

*Красный
диплом*

Леонид
Александрович

мамы, бесконечно терпеливым и всегда готовым с радостью услужить, проявить заботу о человеке без малейшего раздражения и неудовольствия... Вот истинная любовь, которая «всё переносит, не ищет своего и никогда не перестаёт!...»*. Не помню, чтобы дядя Лёня когда-нибудь съел при нас то, что мы называли «вкусненьким», выказал какую-либо потребность в ущербе интересам или удобству окружающих.

Вспоминаю, как уже священником, находясь вдали от дома, в Нормандии, в детском православном лагере на берегу Атлантического океана, я молился об отчине, лёжа на кровати и повернувшись лицом к стене, тщательно скрывая вдруг набежавшие на глаза слёзы. Как же так, почему столь нежная, заботливая душа остаётся в темнице неведения Божия? Я, всегда принимавший от отчима услуги, но никогда не служивший ему, **имею ведение** о Милостивом Спасителе и наслаждаюсь Его благода-

*См.: 1 Кор. 13, 5, 7, 8.

тью... А дядя Лёничка боится даже взять в руки Евангелие, не желая **ничего** пересматривать в своей жизни?! «Господи, просвети его ум, умягчи его сердце, даруй ему счастье познать Твою бесконечную любовь и милость!» — изливала свои слёзные прошения моя душа, всё более и более согреваясь и проникаясь Христовым состраданием. Помнится, я сам тогда удивился посетившей меня **молитве**, которая была подобна весеннему дождю, обильно напоившему землю живительной влагой. Прощения мало-помалу смолкли, душа успокоилась и затихла, ощущая в сердце присутствие какой-то лёгкости и непередаваемого словом мира... И что же?

Дядя Лёня оставался всё таким же последовательным отрицателем духовной жизни, хотя всегда с готовностью отпускал маму в храм Божий. Мало того, он водил к Причастию внуку, а потом и правнука, с которыми, к его чести, никогда не делился своими «убеждениями». Минуло шестнадцать лет после запомнившегося мне сердечного моления об отчине, которое, казалось, пролилось в вечности, а не произнеслось во времени.

Незадолго до кончины дяди Лёни свершилось одно из самых невероятных в жизни нашей семьи чудес! Он согласился наконец-то принять батюшку из находящегося в моём настоя-

тельском ведении храма и... покайся, общился Святым Христовым Таин!

— Как, как это получилось? — спрашивал я своего собрата.

— Совершенно естественно, просто; дядя Лёня исповедался так, как будто делал это в течение всей жизни — «с чувством, с толком, с расстановкой», — отвечал священник...

Мне кажется, что его душа сравнима с прекрасным подснежником, раскрывшим свои полупрозрачные лепестки на снежном насте. Бесконечная благодать Божия соделала душу раба Божия Леонида Христовой ученицей прямо на смертном одре! Он перешёл в мир иной в радостном изумлении от открывшегося ему Божественного света. Кончина стала для дяди Лёни началом духовного ученичества в небесной школе богопознания. В какую меру мерил он на земле, будучи для всех нас и слугой, и нянькой, и посыльным, той мерой и возмерилось ему в вечности. Незыблемы пути жизни человеческой, не зря именуемой судьбой, судьбами Божиими. Один лишь Господь знает, какими стезями ведёт Он ко спасению Своё создание... Поистине, во всяком народе творящий добро приятен Богу, Который воздаёт каждому по делам его*...

*См.: Деян. 10, 5; Рим. 2, 6.

П. Н. Барто

Павел Николаевич Барто. Так звали моего деда по материнской линии. Он был из хорошего рода, восходящего, как гласит семейное предание, к легендарному шотландскому флибустьеру, последнему морскому разбойнику Северных морей Европы, — по фамилии Барто. Недавно я узнал, что этот шотландский род известен как Бартоломью, что сходно с именем апостола Варфоломея. Впрочем, мать деда, моя прабабушка, Лидия Эдуардовна, была чистой немкой, что отразилось и на внешности, и на характере Павла Николаевича. В юности он занимался балетом, всю жизнь посвятил изучению птиц и их повадок, а главное, имел несомненное поэтическое да-

*Пращур
рода –
Джейкоб
Барто
с супругой*

*Николай
Ричардович
Барто – отец
Павла Барто*

рование. Дедушка в молодых годах был очень хорош собой. Впоследствии он отличался изысканными манерами и осанистой представительностью, которые производили неотразимое впечатление на прекрасную половину человечества.

Павел Николаевич Барто рано женился. Его первой избранницей стала Агния Волова, которая уже никогда не пожелала расстаться с романтической фамилией мужа. Их брак не был счастливым, во многом из-за различия религиозных убеждений. Единственный сын, красивый мальчик Эдгар, погиб во

время велосипедной прогулки, отпросившись покататься «на полчаса» перед обедом. Двадцатилетнего юношу насмерть сбила машина...

До сих пор в архивах деда хранятся маленькие книжечки тридцатых годов, написанные в соавторстве мужем и женой — Павлом и Агнией Барто. По ним учились читать в Советском Союзе все дети: «Девочка чумакая», «Танечка, не плачь» и другие. Вскоре после развода

Павел Барто встретил мою бабушку Любовь и венчался с ней.

Дед был убеждённым эстетом и более всего ценил в жизни красоту. Это особенно проявлялось в бытовых мелочах, что для нас, внуков, служило, несомненно, положительным моментом. До сих пор передо мной стоит лицо дедушки. Острый, как у птицы, нос с характерной немецкой горбинкой; красиво обрамлённый тонкими губами рот; выразительные глаза с быстро меняющейся гаммой взоров, от добродушно весёлого до отчуждённо обидчивого. Дед был прекрасно физически развит и следил всю жизнь за своей фигурой. Одетый всегда с иголочки, в безукоризненно чистой одежде, он, пожалуй, с юности мог быть назван джентльменом среди своих сверстников, а тем более среди молодых мужчин довоенной эпохи.

После войны союз с моей бабушкой, к сожалению, тоже распался, но присутствие дедушки Павла было всегда ощутимо в нашей мальчишеской жизни. Помнится, как вместе с бабушкой мы, близнецы, посетили дом

*Павел Барто.
Романтические
годы*

деда во Львове, где он жил со своей последней женой Ренатой Николаевной Виллер вплоть до их переезда в Москву. Мне, семилетнему отроку, запомнился чудесный, утопающий в зелени город Львов, с его парками и изящными домами западной архитектуры. В доме деда царил конечно же идеальный порядок! Рената, немка по происхождению, до сих пор здравствует и живёт в родной для себя Германии...

Вот дедушка садится завтракать (мы примостились по обе стороны от него, словно воробышки близ вальяжного голубя). На столе — удивительные полупрозрачные чашечки и блюда из тонкого немецкого фарфора, серебряные чайные ложки с вензелями — остатки бывшего дореволюционного великолепия... Дед картинно вкушает домашний творог, политый смородиновым вареньем, так называемым «витамином»... Нам страшно даже вздохнуть, не то что проглотить изысканное яство...

Вот Павел Николаевич выводит меня в палисадник. Там, как немецкая армия на плацу, в геометрическом порядке высажены петрушка, укроп, редис, салат, в художественном обрамлении ноготков и фиалок. Поэт очень лю-

*На северном
флоте.
Великая
Отечественная
война*

бил цветы, без усталости с ними возился и, казалось, знал наизусть все названия культурных садовых растений...

Мы идём по роскошному львовскому парку... Дед буквально приказал мне разделить с ним прогулку. Проявив поначалу строптивость, при первом соприкосновении с природой я был уже полностью ею поглощён. Дед заставлял меня прислушиваться к щебету пичужек... и безошибочно определял голос малиновки, пеночки-веснички, зяблика и прочих своих друзей. Он действительно любил их. В его стихотворных сборниках пернатые оживают и как будто начинают петь. Оформляли книги талантливые художники, такие же, как дед, патриоты леса и его обитателей.

Вы помните, друзья, что воздействие Павла Барто на женский пол было весьма велико. Особенно это проявлялось в отношении кассирш, билетёрш, смотрительниц музеев, которые, увидев дедушку, цепенели и безмолвно пропускали его всегда и всюду. Однажды, встретившись с неожиданным сопротивле-

*Павел
Николаевич –
натуралист*

*Поэт
и писатель*

нием, дед широко раскрыл глаза, с таинственным видом извлёк из нагрудного кармана писательское удостоверение и медленно, чётко произнёс фразу с интонацией риторического вопроса: «А что если я детпис*?..». Оглушённая привратница самоустранилась — и вход оказался свободным, как и всегда. В этом отношении он умел проходить сквозь стены.

Может быть, его визит к декану филологического факультета Московского университета во многом поспособствовал тому, что я был определён в студенты, хотя мне не хватало половины балла для зачисления по результатам сданных экзаменов.

На меня дед возлагал особые надежды, видя во внуке продолжение своего литературного дара. Но Бог помог и мне послужить его бессмертной душе. Дед не был церковным человеком, как и многие представители русской интеллигенции двадцатого века. Отказавшись некогда сотрудничать с «органами», он был

*Сокращение в духе советского времени — детский писатель.

**Протоиерей Вячеслав Резников — клирик храма Покрова Пресвятой Богородицы в пос. Черкизово Пушкинского района Московской области. Скончался в 2011 г.

предан литературному забвению как писатель, в отличие от своей многоуспешной первой супруги, ставшей детской поэтессой номер один в советской стране.

Однако не сломленный испытаниями Павел Барто придерживался высокого суждения о своём призвании. Иногда он говорил, что общается Божеству в самом процессе поэтического творчества. Всю жизнь он вёл дневники, с немецкой пунктуальностью и кропотливостью, оставив после себя целые чемоданы толстых тетрадей, исписанных мелким почерком.

Не знаю, суждено ли было возвратиться служителю музы в лоно Матери Церкви, если бы не испытание, ниспосланное свыше — онкологическое заболевание. Оно истощало силы деда Павла, который всегда отличался удивительной внешней динамикой и живостью характера. Тяжело ему было оказаться поверженным на одр болезни. Мне, тогда студенту университета, удалось познакомить дедушку с талантливым московским проповедником, священником Вячеславом Резниковым^{**}. Мститому художнику слова импо-

*Павел
Николаевич
с Шенси*

нировало, что тот окончил в своё время литературный институт. Батюшка нашёл общий язык с поэтом-орнитологом, исповедовал его и приобщил (впервые, с детских лет) Святых Христовых Таин. Наконец-то дед ожил душой и воистину стал причастником Божества! До революции его крестили в храме святых апостолов Петра и Павла в Лефортове. Неподалёку от родной церкви он и обрёл место своего упокоения — на Введенском (Немецком) кладбище, близ своих пращуров и сродников. От могилки всегда веет чистотой, опрятностью и покоем... На этом же надгробье его верная спутница Рената, протестантка по крещению, уже приготовила табличку для себя, где выгравирован год её рождения, но отсутствует дата кончины...

Теперь я понимаю, сколь **многим** обязан своему дедушке Павлу и тому высокому образу джентльмена, которому он старался соответствовать от юности до пожилых лет. И это несмотря на то, что в наших жилах течёт кровь последнего шотландского флибустьера. Конечно, если верить семейным преданиям «старшины глубокой»...

Н. Н. Бобринский

Обращаясь к далёкому детству, мы время от времени вспоминаем тех людей, чьё присутствие в нашей жизни стало значимым, а слово — путеводной меткой, спасительным предостережением, мудрым наставлением.

В этой главе я расскажу о Николае Николаевиче Бобринском, потомственном русском графе, близком друге моей мамы. С семейством Бобринских мы (Митя и Тёма) познакомились тогда, когда бабушка привела нас в гости к Марии Алексеевне Бобринской, урождённой Челищевой, едва ли не последней фрейлине Императрицы-Мученицы. Я помню эту красивую, спокойную пожилую даму (язык бы не повернулся назвать её старухой), с безупречной осанкой и приветливым лицом. Она ютилась вместе со своим сыном Николаем в небольшой квар-

*Мария
Алексеевна
в юности*

тирке*, которая, на самом деле, была осколком старого мира — подлинной и неизвестной нам, детям, России. Пока бабушка чаёвничала с аристократической подругой, нам предоставили возможность рассматривать чудные иллюстрации из дореволюционных фолиантов. Насколько я помню, это были изображения французских гобеленов с самыми разнообразными сюжетами: от охотничьих сцен до дворцовых интерьеров.

Внушительные размеры книги, которую мы молча перелистывали, вызывали у нас, малышей, невольный трепет.

Позднее, в юношеские годы, я узнал, что Мария Алексеевна, выселенная из своего дворца, никогда не злилась на советскую власть, не осуждала её, она просто... её не замечала. Под стать матери был и сын — Николай: огромного роста, с сократовским лбом, густыми усами и добрейшими глазами за стёклами очков. Он ещё школьником имел смелость (в сталинские-то годы!) называть себя монархистом и, казалось, был неспособен ни на какие сделки с совестью. Более тесно я стал общаться с ним в свои сту-

*Напротив их родового особняка по Трубниковскому переулку.

**О времена! О нравы! (Цицерон).

денческие годы, потому что Николай Николаевич работал в книгохранилище университетской библиотеки на Моховой. О, как он встречал меня на месте своих учёных трудов! В неизменном чёрном костюме, обыкновенно сдержанный и даже, на первый взгляд, немного суровый, граф едва лишь начинал разговор, весь расплывался в улыбке, так что черты его благородного русского лица становились необыкновенно приятными. И особенно запомнились глаза — они суживались и искрились светом дружелюбия, уважения и внимательности к собеседнику, чем мы, молодые люди 70-х годов, не были слишком избалованы.

Николай Николаевич много сил отдавал народившемуся Дворянскому собранию и тяжело вздыхал, видя мелко-травчатость современных ему потомков великих отцов. Ему приходилось до хрипоты отстаивать первый параграф устава Дворянского собрания — православное исповедание его членов! *O tempora! O mores!*^{**}

Вспоминаю, как, прогуливаясь со мной в направлении храма по 2-му Обыденскому переулку, Николай Николаевич говорил с присущей ему манерой вкладывать в

*Мария
Алексеевна
Бобринская.
Портрет
работы
С. А. Тугунова*

каждое слово всю сердечность его удивительной души:

— Тёмочка, запомните: чуть только Вам станет плохо, нехорошо, гадко на душе, — **тотчас бегите в храм**, благодать Божия всё поправит и образует. Уж пожалуйста, запомните мои слова.

Одно время у нас в доме собирался небольшой кружок ревнителей классических языков. Мы, под руководством «архивного юноши» (Михаила Селезнёва), делали первые шаги в чтении Евангелия на греческом языке. Являлся на уроки и смиреннейший Николай Николаевич, с книгой под мышкой. Я украдкой подсмотрел — это оказались записки Юлия Цезаря «О Галльской войне», в подлиннике (то есть на латыни). Когда наступал черёд Николая Николаевича, он весь выпрямлялся от благоговения, и своим густым, низким голосом трубил (наподобие диаконского храмого чтения Священного Писания): «Мака-а-ри-и (блаженны)...». Нам невольно передавалось его настроение и нелицемерный пиетет к слову Божию.

Но особенно впечатляло меня его отношение и обращение с супругой Верой. Уже немолодая, с болезненным цветом лица, немногословная, она любила приходить с мужем в храм Илии Обыденного. Нужно было видеть, как Николай Николаевич бережно вёл свою вечную спутницу

*Николай
Николаевич
Бобринский*

под локоток, как нежно поддерживал на ступеньках церковного крыльца! Стоя рядом с ней на службе, он воистину походил на Ангела-Хранителя. Николай Николаевич старался предугадать малейшие желания супруги. Чтобы лучше расслышать её, трогательно склонял свою голову, приближая ухо к устам жены. При этом он широко раскрывал глаза, смотря куда-то вперёд, и в такт её словам каждый раз кивал, в знак согласия и готовности тотчас исполнить поручение.

Обращался Николай Николаевич к своей благоверной по-старинному — «душенька». В этом слове — всё его сердце: любящее, заботливое, деликатное, осторожное, сверхпредупредительное...

Он не выносил советскую власть и презирал всё, что с нею связано. Брезгливо морщился,

когда приходилось обсуждать так называемую «современную действительность». Словом «гадость» он называл (по-детски) то, что было неприятно и неприемлемо для его аристократического вкуса и незамутнённого чувства правды: от пошлых уличных словес, соответствующих им реклам, до политических реверансов и недомолвок, именуемых ныне «толерантностью». Он жил благородно и, как жил, так и отошёл ко Господу своему — с верой и надеждой на воскресение мёртвых.

Мог ли я, будучи отроком, думать, что мне, уже как священнику, придётся участвовать в его отпевании в любимом нами обоими Ильинском храме, что в Обыденском переулке?! Он покоился в гробу строгий и торжественный, истинный верноподданный царя земного и Царя Небесного, уйдя с упованием в мир **иной** и оставшись неосквернённым **этим** миром, который *лежит во зле**... Почему-то я убеждён, что таких людей уже не встретишь на русской земле, хотя верю, народится ещё немало хороших и верных сынов Отечества. Ценно то, что Николай Николаевич **вместе с Родиной** испил горькую чашу страданий, но они отозвались в его благородном и смиренном сердце небесной сладостью спасения...

*1 Ин. 5, 19.

Ю. А. Пестель

В отроческие годы у меня был удивительный старший друг, как говорили, отдалённый потомок декабриста — Юрий Анатольевич Пестель. Казалось бы, что могло связывать столь разновозрастных и непохожих друг на друга людей, старика и отрока? Ответ, наверное, вас удивит. Английский язык. Дело в том, что лет с двенадцати мною завладело желание выучить английский язык так, чтобы он доставлял мне **удовольствие**. Несмотря на обучение в двух специализированных английских школах, ничего, кроме жалких, адаптированных (для советских школьников) книжек, я читать не мог. Желание — великая вещь! Недаром в детстве нас учили: «Если чего-нибудь очень сильно захочешь, обязательно этого достигнешь». Мне было тогда невдомёк, почему же это так. Ныне я хорошо знаю слова цер-

ковного песнопения: «Вся бо твориши, Христе, токмо еже хотети...». То есть: Господи, Ты всё исполняешь, лишь бы мы действительно желали этого. И трудились над осуществлением задуманного, добавят читатели.

Так что же? Каждый воскресный день (в церковь нас никто тогда не водил) я обкладывался английскими словарями и, раскрыв не что-нибудь, а «Записки Пиквикского клуба» Чарльза Диккенса, принимался за чтение, с обязательным выписыванием незнакомых слов. Почему-то они все оказывались незнакомыми... Невероятно, но пыл мой не охладевал, и я завёл особые толстые тетради по 40 копеек, куда выписывал все неизвестные мне слова, дополняя их производными, равно и фразеологическими оборотами, почерпнутыми из вокабуляров*. Свои тетради я регулярно просматривал от корки до корки, и это не вызывало у меня ни утомления, ни раздражения на английский язык. Можете догадаться, что через год-два я уже свободно говорил, изъяснялся и переводил, в меру, сообразную с моим юным возрастом... А причём здесь Ю. А. Пестель? Он, прекрасно владея английским, имел немало друзей за границей, которые присылали ему художественную литературу с Запада. До этих-то современ-

*Словарей (англ.).

ных романов и я был весьма охоч, что способствовало нашей столь интересной для меня дружбе. Почитатель западных писателей, Пестель охотно делился со мной чуть ли не каждой новой книгой, а мы потом вместе обсуждали её во время наших коротких встреч где-нибудь у родственников.

Это был воистину «английский джентльмен». Всегда подчёркнуто аккуратный, в накрахмаленной белой рубашке, в строгом костюме, он жил убеждённым холостяком в какой-то московской каморке. С европейским породистым профилем, интеллигент до мозга костей, Юрий Анатольевич мог быть кем-то назван неудачником. Вопрос лишь в том, в чём полагать успех?

Расскажу вам вкратце его печальную историю. Блестящий молодой человек красивой наружности, он, должно быть, заметно выделялся в 30-х годах XX века на фоне обычных советских людей, желавших походить друг на друга! В собственный день рождения Юрий Анатольевич вошёл как-то в свой департамент и, с улыбкой посмотрев на сослуживцев, задорно спросил: «А где же «поток приветствий?». В этот же

Юрий
Анатольевич
Пестель.
Портрет
работы
С. А. Тутунова

На склоне лет

вечер он был арестован, и чёрный «воронок» навсегда разлучил его со своей семьёй. Ему дали 10 лет лагерей строгого режима на лесоповале, где безвинный страдалец потерял кисть правой руки, раздробленной стволом дерева, и потому впоследствии всегда ходил в чёрной перчатке. Мы, дети, со страхом посматривали на неё, ведь рука была неживая (а что такое протез, мы ещё не знали). Читатель недоуменно спросит: за что же столь суровое наказание? Дело в том, что в советских газетах в день рождения Иосифа Сталина печатали телеграммы со всех концов страны, направленные «великому вождю». Обыкновенно их помещали под общим заголовком «Поток приветствий»... Да, воистину, слово — не воробей... — по мудрой русской поговорке.

После лагерей и нескольких лет поселения личная жизнь Юрия Анатольевича не сложилась, в Москве его приютила одна сердобольная душа, комнату которой он и унаследовал. Я помню его уже пожилым человеком, с неизменной галантной улыбкой на лице. Он всегда сохранял достоинство и вызывал к себе невольное уважение. Пестель дружил с моей бабушкой, изредка бывал у нас в московской квартире, но чаще мы встречались с ним летом

**Большое село близ г. Ступино.*

на даче, в Соколовой Пустыни*, на реке Оке. Помню единственный случай, когда мы, «Митенька и Тёмочка», сумели вывести из себя даже хладнокровного и невозмутимого Пестеля (его почему-то все привыкли звать не по имени-отчеству, а по благородной фамилии).

В саду, за столиком, сидели взрослые. Бабушка угощала своих друзей чаем с малиновым вареньем. Шёл неспешный, непонятный детям разговор, к которому мы даже не прислушивались. Среди гостей — Юрий Анатольевич Пестель и Игорь Константинович Станиславский (с ним читатели встретятся в следующей главе). Мы с братцем развеселились не на шутку, раззадоренные стрекозами и шмелями, которые, не соблюдая никаких правил приличия, летали над кустами цветущего рядом шиповника. Нарушив мирное течение интеллектуальной беседы почтенных стариков, мы принялись гоняться друг за другом, бегая вокруг стола с громкими восклицаниями, рискуя смести наземь чашки с горячим чаем. С явным неудовольствием наблюдая за сорванцами в трусиках, Пестель внезапно приподнялся и раздражённо воскликнул: «Прекратите **мельтешить пупками!**». Мы тотчас осеклись и, виновато озираясь на указующий перст Були, поплелись в дом, где минуты через две... продолжили свою ребячью игру.

В последующие годы грозное замечание Юрия Анатольевича воспоминалось нами как приговор детскому неразумию и невоспитанности. Мог ли Пестель знать и гадать, что через сорок лет после его «пророчества» уже не малыши-голыши, а наши милые соотечественницы станут почём зря «мельтешить» в обществе «пупками», забыв и честь, и самое понятие о женской стати и достоинстве?

Описанный мной эпизод относится к нашему раннему детству. Содружество с аристократом Пестелем, скреплённое пристрастием к английскому языку, состоялось много позже. К сожалению, мой покровитель в изучении иностранной литературы не имел религиозной веры. Наши пути впоследствии разошлись. С великим огорчением я узнал, что, заболев неизлечимой болезнью и не желая никого собой обременять, Юрий Анатольевич наложил на себя руки. На его похоронах присутствовало лишь несколько человек...

Как знать, если бы советская безбожная система не обошлась с ним столь жестоко в те мрачные 30-е годы, растоптав всё: молодость, родственные узы, репутацию, карьеру, здоровье, — может быть, его кончина была бы иной?..

И. К. Станиславский

С этим интересным человеком у меня преимущественно связаны воспоминания о весьма смешных эпизодах, однако не лишённых назидания. Старик двухметрового роста, бледная копия* своего знаменитого отца, Игорь Константинович Станиславский (Алексеев)** имел троих внуков, с которыми мы немало времени проводили на даче в Соколовой Пустыни. Наша бабушка дружила с дедушкой непоседливых, как бы мы сегодня сказали, «гиперактивных» внуков — старшего Михаила и

* В прямом смысле слова: Игорь Константинович отличался известной флегматичностью.

** Станиславский — творческий псевдоним знаменитого русского режиссера Константина Алексеева.

*Игорь
Константинович
Станиславский
с Любовью
Васильевной
Севей
и её дочерью
Анной
Павловной
Барто*

младших — Кирилла и Максима. Несмотря на аристократичность рода (по материнской линии восходящего к графу Л. Н. Толстому), мальчишки были неистощимы в проказах. Теперь я догадываюсь, что они много превосходили нас в энергии благодаря горячей южной крови, доставшейся им от брака их матери с азербайджанцем.

Редкий день проходил без эксцессов, то есть без драк и слёз. Вот типичный случай: день клонится к закату, мы — старший брат Андрей и близнецы Митя и Тёма — провожаем домой русско-азербайджанскую «троицу». Уже во дворе дачи внезапно вспыхивает конфликт между старшими — Андреем и Мишей. Раздаются крики, поднимается пыль, постепенно оседающая на землю. Что же мы видим? Андрей, наш старший брат, восседает на поверженном потомке Станиславского и держит руки на его горле. Раздаётся истошный крик, обращённый к Игорю Константиновичу, только-только появившемуся в дверях: «Дедушка, дедушка, а что это Андрей мне на тду-

бочку* нажал?». Посрамлённый победитель тотчас ретируется, а его жертва встаёт и с бодрым, даже гордым видом поруганной справедливости, отряхивается от пыли и уходит в дом, не попрощавшись с обидчиком. Впрочем, все эти потасовки не теряли своего безобидного ребячьего характера и не мешали обеим сторонам на следующий день, поутру, встречаться закадычными друзьями, которые и не помнили друг за другом ничего нехорошего...

Вспоминается, как высокий, словно каланча, Игорь Константинович, в своих парусиновых белых брюках, некогда чаёвничал у моей бабушки. Только присев на складной деревянный стул, он сделал неловкое движение — и стул внезапно сложился пополам! Долговязый Станиславский вписался в сложенный стул, руки и ноги его взметнулись вверх, а бёдра ушли вниз... Так и остался в моей детской памяти совершенно необычный портрет пожилого человека, беспомощно взирающего из этого капкана, с четырьмя конечностями, вздёргнутыми к небу! Нужно сказать, что он никогда не выходил из себя и во всех подобных трагикомичных ситуациях внушал лишь сострадание кротостью своей благовоспитанной души, неспособной ни на грубость, ни на выражение недовольства. Его

*«Тдубочкой» — трубочкой — Миша называл гортань.

фигура с постоянно склонённой набок головой вызывала у ближних улыбку. За глаза знакомые звали Игоря Константиновича «ландыш».

Однажды мы нагрянули на его дачу, предварительно наевшись неспелых, зелёных слив. Брата Андрея посетило определённое недомогание, и он, бедный, метался в поисках бумаги, прежде чем удалиться в уборную, находившуюся, по сельскому обычаю, в самом далёком уголке дачного участка. Необходимо сказать, что сын великого режиссёра имел особое пристрастие... к разгадыванию кроссвордов. В течение целого года он вырезал из различных журналов эти кроссворды и, отказывая себе в сиюминутном удовольствии, складывал их в стопку, с тем чтобы в летнее время предаться увлекательному занятию — заполнению пустых клеточек соответствующими по смыслу словами. Нужно же было незадачливому охотнику за сливами схватить в доме первую попавшуюся под руку стопку бумаг и спешно удалиться в деревенский туалет! Долго не выходил оттуда старший брат, добросовестно расходуя один за другим накопленные почтенным пенсионером за целый год кроссворды. Не стану описывать, сколь велико было огорчение добрейшего старика, обнаружившего пропажу и дознавшего, на какое дело ушли все его интеллектуальные головоломки!

Эти милые деревенские драмы, сменя одна другую, уходили в Лету; дети росли, но искреннее дружество между ними, равно и их пожилыми родственниками, не пресекалось никогда.

В заключение воспомяну ещё один, наиболее назидательный эпизод, несмотря на всю его неординарность. В Москве мы время от времени встречались у наших родственников — прямых потомков замечательного русского художника Валентина Серова. Дело в том, что моя родная тётушка Сусанна была замужем за внуком портретиста. В их огромной квартире (вы уже о ней слышали) на Большой Молчановке, близ Нового Арбата, всё было необычно. Умолчу сейчас о подлинных акварелях и живописных картинах русского гения. Творческая атмосфера проявлялась и в определённой эксцентрике, например, в сломанном, дырявом писсуаре, прикреплённом к стене туалетной комнаты, в стиле поп-арт. Однажды, когда многочисленные гости ожидали приглашения в обеденную залу и дружно беседовали на кухне, туда вошёл Игорь Константинович и обратился к хозяйке: «Простите, пожалуйста, я... **ошибся**; не могли бы Вы мне дать тряпку, чтобы я мог убрать всё в туалетной комнате?». Возникло ми-

*Игорь
Константинович
на природе*

нутное замешательство... Взяв тряпку, Игорь Константинович удалился, чтобы ликвидировать последствия своей невольной ошибки... Теперь, сорок лет спустя, я понимаю, друзья, что́ есть истинная благовоспитанность и аристократизм! Кто **из нас** смог бы поступить так, как он, человек преклонных лет и непорочной репутации?! Разве не шмыгнул бы я, как мышь, ударив с места преступления, и не оставил бы всё, «как было», руководствуясь банальной ложной мыслью: «не пойман — не вор»? Истинная интеллигентность и порядочность не боятся посрамления потому, что при отсутствии злого умысла (не совместимого с представлениями о чести) вовсе и не стыдно бывает признать свою ошибку перед людьми. Кажется, после этого случая смущённые хозяева освободили туалет от испорченной и ненужной вещи.

Иным, может быть, мои рассказы об Игоре Константиновиче Алексееве-Станиславском покажутся пустячными или незаслуживающими внимания... Что же, каждый вправе вынести о них своё суждение. Но я до сих пор помню этого старика, с высоким челом и отменной дикцией, и удивляюсь, почему даже допущенные им оплошности наводили нас, маленьких и глупых, на серьёзные размышления?..

Г. К. Круг

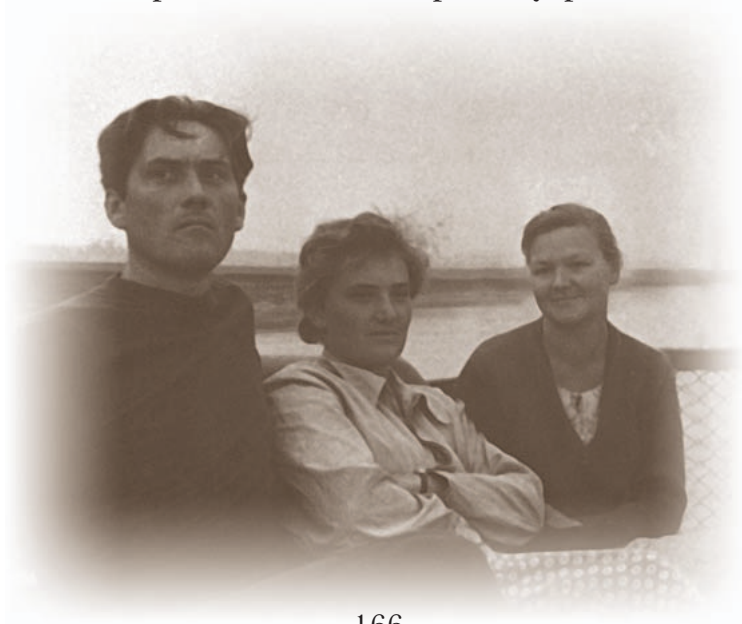

Больше всего времени летом мы с Митей проводили на даче у Германа Карловича Круга с его многочисленным семейством. Насколько я знаю, патриарх рода — Карл Круг — был основателем Московского энергетического института, за что Иосиф Сталин пожаловал ему заросшие соснами несколько гектаров земли на обрывистом, холмистом берегу реки Оки. Там вскоре появился купленный где-то в деревне просторный сруб. Участок и в самом деле был огромный, так что прогулка по нему для нас, близнецов, представлялась чем-то вроде кругосветного путешествия. Двоюродная сестра моей мамы Ольга вышла замуж за двухметрового Германа Карловича, который состоял «ординарным профессором» отцовского института вместе со своими высокорослыми

строгими пожилыми сёстрами, Татой и Лялей. Маленькие Круги, дети Германа, представлялись нам, малышам-близнецам, исполинами, которые, однако, всегда радушно принимали нас и охотно приобщали к своим забавам.

Мы жили на противоположном краю Соколовой Пустыни, огромного села, на изрядной части которого стояли дома дачников. Особенно мне врезался в память Ольгин день, когда в усадьбе Кругов праздновались именины хозяйки. Там собиралась вся родня. В **нашем** доме по обычаю пекли к этому дню пирог из сладкого песочного теста со свежими вишнями, присыпанными сахарной пудрой. Несли

*Супруги
Герман
и Ольга Круг
с Мариной
Павловной
Барто*

его к Кругам совершенно особым образом. Нас с Митенькой обязательно во что-то наряжали. Братцу везло больше, чем мне: он очень вписывался в образ русоголового Ивана-Царевича. А вот мне, сублильному, доставалась роль сестрицы Алёнушки... Помню, с каким ужасом я всё-таки давал закрепить на себе кокошник, а запястья обмотать яркими зелёными лентами, в качестве украшения. Разумеется, подобные номера проходили лишь благодаря нашему дошкольному возрасту. Однако отступать было некуда — именно нам поручали нести этот знаменитый и удивительно ароматный пирог, вкус которого до сих пор у меня на устах. Вспоминаю, каким сильным смущением отозвалась в моей душе нечаянная встреча с похоронной процессией, шествовавшей в сопровождении небольшого духового оркестра. Мы были ещё слишком далеки от осмысления человеческой кончины, а смерть, если и врывалась в наш детский мир, то представлялась грозным и страшным в его обречённости явлением... Впрочем, подобные «экзакуции» с переодеванием в девочку были лишь одной минорной нотой в мажорном потоке жизни. Она в поместье Крутов всегда была ключом. Хозяин, типичный обрусевший немец, не слишком ласковый, но гостеприимный и улыбчивый, постоянно что-то изобретал, что

приковывало к его загадочной высоченной фигуре наше детское внимание.

Вот мы переплываем Оку (казавшуюся тогда огромной) на хорошо просмоленной деревянной двухвёсельной лодке, собственности Кругов. Сам Герман стоит на носу в тёмных плавках и, приставив ко лбу правую ладонь козырьком, по-капитански всматривается в противоположный берег. В лодке — явный перегруз: пять-шесть детей малого и среднего возраста в заботливых объятиях женщин, не считая двух рослых юношей на вёслах. Ока — река весьма быстрая и коварная, по причине большого количества отмелей. Герман Карлович, любивший быть в центре событий, внезапно и громко (как будто из рупора) возглашает:

— Внимание, внимание! Невиданный научный эксперимент! Головокружительный прыжок в воду с носа корабля!

Ольга, его супруга, зычно молит:

— Герман, я тебя прошу, не делай этого! Герман, прекрати сейчас же! У нас же в лодке дети!

Но профессор, очевидно, уставший от всегда дремлющих студенческих аудиторий (и ещё более — от бесконечного чтения собственных лекций), приходит в большее возбуждение. Глаза его горят озорным блеском. Он вытягивает вверх руки и... победоносно улыбаясь, си-

гает рыбкой вниз! Нужно же было ему выбрать такое место в середине течения реки, где глубина — всего лишь два вершка с половиной! Несчастный гигант врезается головой и плечами в песок, к вящему ужасу сидящих в лодке, которая едва не опрокидывается от сильного толчка. Удивительное — рядом: если память мне не изменяет, ныряльщик, вопреки очевидности, отделался лишь лёгким испугом, не сломав ни шеи, ни позвоночника, и с бравым видом через каких-то полчаса уже бегал на противоположном песчаном отлогом берегу реки, гоняя с детьми футбольный мяч и делая огромные прыжки по 2-3 метра длиной...

А вот Герман Карлович возглавляет коллективный поход за грибами. Шагая быстро и размашисто, наподобие Петра Великого, он далеко опережает всех нас и скрывается среди зелёной мягкой хвои недавно посаженных молодых лиственниц. Оттуда, из среды деревьев, доносится до нас его волевой, громоподобный призыв:

*Герман
Карлович Круг
с супругой
Ольгой на
природе*

— Скорее, скорее сюда! Все собираем найденные мною грибы, ещё неизвестные науке!

Добравшись до лужайки, посреди которой стоял наш добродушный гигант, мы увидели множество грибов, весьма напоминавших маслята, но только огненно-красного цвета. Уступая справедливому подозрению, Ольга вопрошает своего «повелителя»:

— Герман, ты можешь сказать, что это за грибы, каково их название?

— «Встретимся в больнице», — совершенно невозмутимо, с научным бесстрашием отвечает хозяин* ...

Было бы несправедливо умолчать и о ближайшем соседе Кругов, который являл им полную противоположность и по образу жизни, и по роду занятий, однако полностью завораживал наше внимание в редкие минуты посещения его дачи-поместья. Это знаменитый скульптор-анималист Дмитрий Владимирович Горлов. Если у Кругов на даче было мало порядка, жили они широко, шумно и несколько небрежно, то у Дмитрия Владимировича господствовали тишина, творческий покой и ослепительная чистота. Вокруг добротного двухэтажного дома в русском стиле всегда благоухали прекрасно ухо-

*Это были «лиственничные маслята», грибы вполне съедобные.

женные клумбы цветов, сменя одна другую в течение трёх летних месяцев. Цветочным орнаментом были расписаны хозяином даже внешние стены дома. Но главное сокровище скульптора — это его знаменитая мастерская. В совершенстве зная свой предмет, он с непередаваемым искусством ваял, лепил, рисовал зверей и птиц, от малых форм до великих: волков, лосей и медведей, изображённых в натуральную величину. Можно было бы часами созерцать это царство русской фауны, если бы взрослые не давали

нам, детям, знак, что необходимо соблюдать приличия — и, следовательно, ретироваться. Несколько раз мне посчастливилось ребёнком слушать в уютной гостиной Дмитрия Владимировича вдохновенную поэтическую декламацию моей тётушки Сусанны Павловны Серовой; хотя по малолетству, не умея ещё отдавать должное творческой работе мысли, я больше внимания уделял вкусному, пахучему травяному чаю и сладостям.

*Художник-анималист
Дмитрий
Владимирович
Горлов*

Если бы меня сегодня спросили, что мне особенно запомнилось в личности Дмитрия Владимировича Горлова, я бы ответил: глаза. Живые и одухотворённые глаза ребёнка. По ним можно было сказать, как глубоко чувствовал и напряжённо жил этот удивительный, непохожий на других человек в скромном пиджачке и неизменной беретке на голове. Сейчас, мне ка-

*На даче.
На переднем
плане
Ольга Хортик
и Дмитрий
Владимирович
Горлов*

жется, я начинаю понимать причину этого жизнерадостного взгляда. Человеку дано радоваться благим делам рук своих, рук, способных к творчеству, воспроизведению красоты Божьего мира. Этой радостью поделился со своим разумным созданием Сам Творец...

Серовы

Я уже не раз упоминал, друзья, о старинной, полной тайн и загадок квартире непревзойдённого мастера русского портрета, Валентина Серова, потомки которого жили на Большой Молчановке, в Москве. Общение с ними было для нас всегда праздником. Может быть, ещё и потому, что мои родители — «физики», представители строгой научной мысли, а Серовы — типичные «лирики»: музыканты, скульпторы, литераторы. Их всегда окружала особая творческая атмосфера, много отличавшаяся от нашего дома, более спокойного и строгого.

Заводилой был сам внук художника, Дмитрий Михайлович Серов, профессор московской, а впоследствии и петроградской консерваторий по классу рояля. Сколько себя помню, он, красивый мужчина, с внешностью американского

*Дмитрий
Серов на
природе*

артиста (орлиным носом, обаятельной улыбкой), принимал у себя дома многочисленных аспирантов; в гостиной зале постоянно звучала классическая музыка, раздавался громкий смех и шутки... Успев побывать и потрудиться в Китае, дядя (напоминаю, моя тётка Сусанна вышла за него замуж) был заядлым путешественником, непоседой и балагуром, что, наверное, не так

уж легко давалось его домочадцам.

В моей памяти осталась удивительная поездка с дядей в Крым, в Судак, когда я первый раз в жизни увидел **море**. Выжженные крымские горы, прикрытые пологом синего неба, сползающие по склонам виноградники с зеленеющими там и сям незрелыми гроздьями и, конечно, море — неумное, то ласковое, то грозное, предмет вождения и детей, и взрослых.

Двенадцатилетним отроком мне довелось ночевать в доме-музее Максимилиана Волошина, с творчеством которого я познакомился лишь много лет спустя. Положив меня на какой-то топчан, смотритель дома доверительно шепнул мне, что на нём

спал сам Осип Мандельштам, на что я с благодарностью улыбнулся, хотя ещё не знал тогда этого имени.

Помню наше авантюрное путешествие в Новый Свет, добраться до бухты которого невозможно, кроме как по страшно опасной тропинке вдоль отвесных скал. Кое-где нужно было прыгать, созерцая под собой бездну и грозно шумевшую у прибрежных скал морскую стихию. С ужасом и внутренним негодованием я следовал за бесстрашным потомком художника, ловко прыгавшим по этой гиблой тропке, представляя себе, что бы сказала моя мама, узнай она, в какие приключения втянул меня обожаемый дядюшка. Слава Богу, всё обошлось благополучно, но с тех пор я не выношу высоты, руководствуясь мудрым изречением Псалтири: *Небо небесе Господеви, землю же дад сыновом человеческим**. Кажется, что эта затейливая тропка над пропастью весьма точно изображала стиль жизни Дмитрия Михайловича, подвижного, неуто-

*Артистическая
молодость
Дмитрия
Серова*

*Пс. 113, 24.

*Дмитрий
и Сусанна
Серовы*

мимого шутника и рискача, а вместе с тем реликтового представителя русской культуры в её осколках и остатках.

Не обойду молчанием его двоюродную сестру Ольгу Александровну Хортик, которую за малый рост и удивительно покладистый характер все, даже дети, звали Олечка. Создавалось впечатление, что серьёзного и полновзвучного имени Ольга для неё просто не существовало. Прекрасный знаток французского языка, она, вкуже с Дмитрием Михайловичем, много переводила из литературного наследия французских композиторов, что окружало её образ особым ореолом.

А теперь напишу кое-что весьма позорное о себе самом. Олечка вместе с Катей, дочкой Дмитрия Михайловича, нередко бывали в Париже, откуда привозили всякие изящные и диковинные вещи. Сами понимаете, какими глазами мы, желторотые близнецы, смотрели тогда на французские шоколадки, жевательную резинку и прочую ерунду. Как-то раз добрые родственники выполнили наше горячее желание и привезли нам... джинсы. Голубые, из грубой ма-

терии, прошитые толстыми нитками, — самые настоящие джинсы! Заполучив штаны, я носился с ними, как с писаной торбой. И помнится, перед сном даже поцеловал их и нежно погладил, словно боясь, что к утру они улетят обратно в Париж или растворятся в воздухе! До сих пор мне стыдно за это ребячье идолопоклонство, в котором, кстати, я позже сердечно покаялся на своей первой исповеди! Какие только глупые пристрастия ни завладевают бессмертной человеческой душой, лишённой Божественного света веры и разума, молитвы и любви ко Христу!

В завершение расскажу о знаменитой картине художника «Похищение Европы», кото-

*В доме
Серовых.
Праздничное
застолье*

рая (как знают читатели) висела у Серовых в гостиной зале. Помню, мальчиком я всматривался в это бездонное полотно и с тревогой следил глазами за античным Зевсом, в образе могучего быка, который похищает прекрасную Европу, смуглую волоокую девицу, опустившую колена на холку животного и держащуюся рукой за его изогнутый рог. Вал за валом накатывают волны на отважных путешественников; морская пучина грозит поглотить их обоих, но бык, уверенно рассекая воду своей мощной грудью, твёрдо держит курс в неизвестном мне направлении. «Куда, куда ты удалилась?» — **теперь** спросил бы я заморожённую античным кумиром Европу... «Что

Валентин
Александрович
Серов.
«Похищение
Европы».
1910 год

ищешь ты в стране далёкой, что кинула в краю родном?» Тогда, будучи отроком и сочувствуя прелестной Европе, я, безусловно, не мог понять и осмыслить её трагического отступления от исконной христианской веры во тьму языческих представлений и заблуждений...

А всё же многому, многому может научить нас, русских, некогда просвещённая Европа. И уважению к закону, и трепетному отношению к культуре, умению бережно сохранять исторические памятники, и благородной сдержанности, такту в человеческих отношениях. Боюсь, однако, что **главное** (уже не юная, а одряхлевшая в своём земном странствовании) Европа **потеряла** — живую и зрячую веру в Победителя смерти Христа и любовь к Его прекрасной Невесте — Матери нашей Церкви. Утерев **главное**, **сумеет** ли гордая Европа **сохранить второстепенное**, то, что было перечислено мною выше? Я не пророк, но опасюсь, что с живой водой подлинного христианства она, бедная, готова выплеснуть и своего ребёнка — силу законной правды и «любовь к отеческим гробам», красоту внешних форм и культуру человеческого общения.

Надвинувшийся на нас XXI век, с его пресловутой «эрой водолея» и постмодернизмом как стилем жизни, вполне доказывают это...

Неверие

XX век берёт наше детство, но и настойчиво отстранял нас от света Христова. Все мы были в этом отношении детьми «пионерского под-земелья». Родные боялись говорить нам о вере, а чужие не боялись растлевать детские души неверием. Бедные школьники! Как легко вы и поныне улавливаетесь всякого рода прельщениями и обманами, особенно если они «спускаются сверху», то есть санкционированы «вышестоящими инстанциями»!..

Помнится, в классе седьмом нам объявили, что в школу грядёт некто по фамилии... Чертков. Он приобрёл известность ещё в 60-е годы, когда, будучи студентом Московской духовной академии, с шумом отрёкся от веры. Не буду перечислять имена знаменитых «отступников», по комсомольской путёвке посланных в

учебные заведения Патриархии, и конечно же с провокационными целями. Об этом мы, школьники, разумеется, ничего тогда не знали. Нашему классу было поручено приготовить зал для почётного гостя. Привыкши всё делать старательно, я, несчастный, с усердием ташил и заботливо устанавливал кресло, послужившее седалищем для лектора, охотника за детскими душами.

Человек средне-пожилого возраста начал свою лекцию с перечисления диковинных дисциплин (от гомилетики до герменевтики), с которыми он познакомился на академическом скамье. Благоговейное отношение к гостю возрастало по мере оглашения им невероятного количества богословских предметов, изученных в духовном заведении. А затем он стал исповедоваться в собственном безбожии и несовместимости веры в Бога с «реальной» жизнью. Не могу сказать, чтобы мне запомнились его доводы, но сердце внимало изощрённым речам с полным доверием и воодушевлением. Впечатлённый необычной встречей, я прибежал из школы домой (она находилась неподалёку)* и застал одну лишь бабушку. Буля лежала на

**С четвёртого класса я учился в 29-й спецшколе на Кропоткинской улице (Пречистенке), а родительский дом находился на улице Остоженка, в центре Москвы.*

кровати в своей комнате в синей шерстяной кофте и читала любимого ею Диккенса, сдвинув к кончику носа очки в толстой оправе.

— Буля, Буля, ты знаешь, какой интересный дяденька к нам в школу приходил сегодня! — залился я соловьём. — Он столько всего знает, учился в Духовной академии, говорит по-гречески, по-латыни! А потом он отрёкся от Бога, когда к нему пришло прозрение... Представляешь себе?!

Бабушка взглянула на меня с печалью и тихо сказала:

— Тёма, я думаю, что он не может быть хорошим человеком...

Её ответ меня буквально взбесил. К сожалению, я не помню произнесённых мною тирад, видимо, это было что-то кощунственное, дерзкое и обидное для бабушки. В ответ она не проронила ни слова. В раздражении я выбежал из комнаты...

Через некоторое время Буля решила завести меня в церковь (храм во имя пророка Илии Обыденного), именем которой назван наш переулок. Воспроизвожу словом случившееся много лет тому назад...

Бабушка поднимается по ступенькам храмового крыльца, держа меня за руку. Мы ещё не вошли в притвор, но я уже разглядел мерцавшие в полусумраке лампы и почувствовал

*Буля
за чтением*

совершенно мне незнакомый запах ладана. И что же? Меня охватил непонятный страх! Не давая себе отчёта, я отчаянно завертелся, вырвался из Булиных объятий... и бросился прочь, как будто меня преследовали злейшие враги. Кровь стучала в висках, сердце колотилось в

груди; думаю, более всего я походил тогда на дикого волчонка, который ощеривает пасть и пытается укусить руку того, кто протягивает ему пищу. Бабушка растерянно стояла на крылечке храма и молча смотрела мне вслед. Время ещё не пришло...

Гораздо позже, уже учась в университете, я услышал о впечатлившем меня в школьные годы Черткове следующее. Окончив после «отречения» Институт марксизма-ленинизма, он, уполномоченный обществом «Знание», стал разъезжать по всей стране со своей дежурной лекцией. Для него специально собирали школьные и студенческие аудитории. Дело было поставлено на широкий поток. Однажды наш герой выступал в Московском политехническом институте. В зале присутствовали студенты многих факультетов и безропотно внимали советскому «витии», говорившему как по-писанному. Тема была всё та же: «прозрение» и отречение от веры с последующей переориентацией на проповедь «научного атеизма». В завершение лекции слушателям было предложено задать вопросы. Из середины зала поднялась одна рука, тотчас замеченная товарищем Чертковым. Какая-то девушка поднялась с места и очень громко, предельно отчётливо задала свой вопрос, который прозвенел в воздухе, как стрела, выпущенная из тугого лука:

«Скажите, пожалуйста, Вы от Христа отреклись, как Пётр или как Иуда?» Говорят, лектор, застыв на месте, так и не нашёлся что́ ответить на это удивительное вопрошение...

Неверие, или безотчётное противление истине, врачует Сам Господь. Я говорю сейчас не о циничном и продажном безбожии чертковых, а о греховном неведении простецов, насильственно отчуждённых от Бога через помрачение и растрение их умов. Жизнь, без сомнения, хороший учитель. Время лечит телесные раны и врачует язвы души. Время просветляет ум, если только человек внимателен к путям своим и умеет размышлять о своих ошибках. С возрастом приходит мудрость, а мрак лжи рассеивается и обращается в небытие. Но, думаю, целительное воздействие времени объясняется более глубокой причиной. Эта причина — **молитва**. Незримая, неведомая никому из нас молитва, теплящаяся в сердечной глубине того, кто любит нас и терпеливо ждёт... **Ждёт** часа нашего подлинного прозрения и прилежно об этом **молится**. Это прозрение, наконец, наступает, увы, весьма часто после кончины молившегося за нас с любовью человека...

Раскаяние

Есть люди, которые считают себя всегда правыми. По большей части, они редко умеют благодарить или сохранять чувство благодарности, признательности. Это большое несчастье. Такая душа напоминает собой дерево, пострадавшее от лесного пожара. Величественный обугленный ствол, мощные ветви, тянущиеся кверху, но — ни листочка, ни цветов, ни плодов... А иные люди, напротив, настолько сроднились с ощущением вины, что, согрешая самодельством, лишают самих себя способности радоваться милости Божией, безмерной и бесконечной. Крайности всегда нехороши.

Так называемый переходный возраст знаменит своим гонором, ложным чувством самодостаточности, не нуждающейся в чьих-либо советах, а тем паче — в предостережениях. С братом

Митей мы счастливо избежали многих эксцессов юности, благодаря правильному отношению к нам родителей. Не мне вам рассказывать, дорогие читатели, насколько опасен для подрастающего поколения нездоровый интерес к горячительным напиткам. В нынешнее время он приобрёл размах всенародного бедствия. Но и тридцать пять-сорок лет тому назад школьники не были избавлены от подобных искушений. Милый отчим, которого мы называли «дядя Лёня», как-то невзначай обронил в отношении спиртных напитков совсем короткую фразу. Она оказалась очень существенной для нас по своим добрым последствиям: «Не нравится — не пейте». Руководствуясь вкусовым, гастрономическим критерием, я, по существу, вина и в рот не брал вплоть до окончания университета, вовсе не будучи при этом убеждённым «трезвенником». Конечно, без искушений дело не обошлось.

Помнится, в десятом классе после урока физкультуры быстро повзрослевшие одноклассники, хитро подмигивая друг другу, предложили и мне зайти с ними в туалет (очевидно, самое «подходящее» место), обещая нечто, достойное внимания. Один из них раскрыл полупустой портфель, где вместо учебников спряталась солидного размера бутылка с крепким напитком янтарного цвета.

— Ну как? Поучаствуешь?

*На пороге
юности*

образовательного учреждения с возмущением уставилась на юных собутыльников, испепеляя их взором разгневанной Фемиды*.

— Та-ак, мои милые! Что это вы здесь делаете?! — воскликнула она с интонацией не столько недоумённого вопроса, сколько обличения и приговора.

*Античное божество правосудия.

Отмечу, что чрезвычайно ловкий зачинщик «пьяной» смуты мгновенно спрятал улику в портфель и со взором невинного тушканчика уже подобострастно взирал на директора.

— Ма-арш на урок — уже три минуты, как кончилась перемена!

Мои более опытные собратья, опутив носы, словно мышки-норушки, нырнули под руку Инны Александровны, и только я обратил к ней лицо, как это делают «зайчики», и виновато улыбнулся.

— А ну-ка, ну-ка, стойте, дорогие, идите-ка все ко мне. — С исследовательским возбуждением в голосе директриса стала хватать за шкирку моих товарищей. **Запах!** Он, коснувшись её ноздрей, выдал с потрохами всю нашу греховную затею.

Невольным информантом стал я, ещё ничего не знавший об устойчивых ароматах креплёных напитков. Не буду утомлять вас, друзья, подробностями «судебного процесса». Скажу только, что нас по отдельности вызывали в кабинет директора и предоставляли возможность молвить слово, а наши любимые учителя обращались к «преступникам» с дружными и справедливыми увещеваниями.

Сейчас я хочу сказать о другом. Моя душа действительно получила тогда психологическую травму, своего рода потрясение. Дирек-

торские речи о подорванном доверии, о предательстве по отношению к школе и её чести задела меня за живое. В пятнадцатилетнем возрасте чаще случается иное — ответная ирония, легкомысленное и дерзкое отрицание всякой вины: мол, что здесь такого? Тем паче что мы хорошо знали слабые стороны иных наших педагогов.

Хорошо помню, как, оказавшись за пределами школы, я спустился в метро и, прижавшись носом к тёмному стеклу вагона, тихонько проглатывал слёзы, чтобы никто из пассажиров не заметил моего душевного волнения. Осмысляя свой незавидный поступок, я впервые тогда почувствовал, насколько испорчена вся моя душа, как много во мне лукавства и непорядочности. Совесть болела именно от сознания **общей** моей греховности, хотя тогда я ещё не знал этого слова и потому не обращался к Спасителю, Которого не ведал.

Оборачиваясь назад, я сознаю теперь, что Человеколюбец Христос, Небесный Сеятель, опустил в тот день Свой заступ на иссохшую землю самолюбивого мальчишеского сердца. Этот первый удар потряс всё моё существо, душа уже была готова раскрыть свои греховные недра, но время для благодатного сеяния слова Божия ещё не наступило...

Завещание

Говорят, что последняя воля умирающего священна. Значит, и слова, сошедшие с уст того, кто готовится к исходу из временной жизни, обладают вещей силой. Конечно, не всякие слова, но произнесённые с особой значимостью, с сознанием их важности для близких, **остающихся** жить. Впрочем, есть и главное условие непреложности такого предсмертного наказа — жертвенная любовь. Если любовь, бессмертная по своей природе, одушевляет завещателя и его наследников, если духовное родство сплавливает их в единую семью и Сам Бог невидимо им со-присутствует, — вот тогда последнее слово умирающего становится движущим импульсом в жизни преемников.

Наша бабушка серьёзно заболела ко времени окончания нами, близнецами, средней школы.

20-е годы
XX века

Насколько мне помнится, она курила всегда, и только смертельная болезнь (рак лёгких) избавила её от этой привычки. Ещё в отроческие годы я пытался из чувства протеста прятать от Були любимые её папиросы («Казбек»), но мои детские усилия вмешаться в ситуацию не принесли тогда успеха. Редко-редко кто из людей, нами чтимых и любимых, не обнаруживает в годы земного странствования той или иной греховной немощи — как будто в подтверждение старого как мир античного изречения: *Errare humanum est**.

Необходимо сказать, что бабушка вернулась к благодатной жизни Церкви незадолго до своей кончины. Никогда не порывая с верой, она в молодости отошла от храма и его таинств, как и большинство современников в ту страшную эпоху, насквозь пронизанную духом безбожия. Нет, нет, от Христа она не отрекалась никогда! Но нас, внуков, почти не пыталась при-

*Человеку свойственно ошибаться (лат.).

общить к вере, за исключением кратких хождений к Пасхальной заутрене. Впрочем, один раз Буля решилась-таки пойти со мною в храм... Что из этого вышло, вы, читатели, уже знаете из предшествующих глав.

Сейчас мне вспоминается, как бабушка в последние годы своей жизни делилась с домашними впечатлениями от воскресной Божественной литургии. «Я была сегодня в храме и причастилась! Как же хорошо и радостно на сердце!» — смущённо улыбаясь, говаривала она, как бы желая поделиться с нами той сокровенной радостью, которой окрылялась на склоне лет её душа. Никто из нас, троих внуков, не считал нужным ни понять, ни принять эти слова Булиного признания. Мы их просто **не слышали**, то есть они не вмещались в наши сердца, как будто наглухо запечатанные и закрытые на засовы от благодатного свидетельства веры. Не без раздражения я исподлобья смотрел тогда на бабушку, глаза которой светились изнутри неведомым для нас счастьем.

*Буля
в молодости*

С высоты птичьего полёта

Но вот пришёл Богом определённый час...

Взрослые всячески оберегали нас, подростков, от трагических известий. Мы только знали, что бабушку поместили в больницу. Неделю спустя нам сообщили, что Буля желает нас видеть. Помню, что все трое хранили молчание до тех пор, пока не вошли в палату, где лежала бабушка. Она, как всегда, встретила нас улыбкой, расцветшей при виде внуков на похудевшем, исстрадавшемся лице... О эта дивная улыбка! Она мгновенно сняла с мальчиковых душ коросту себялюбия и равнодушия, растопила сердца до самой их запредельной глубины, заставила нас почувствовать себя детьми, любимыми и любящими! Медсестра, как я узнал впоследствии, признавалась моей маме, что она никогда не видела подобной больной. Бабушка ни за что не хотела утруждать персонал своими просьбами и всякий раз так благодарила сестёр за малейшую услугу, что тем становилось неудобно, ведь они механически выполняли свою рутинную работу.

От бабушки остались одни глаза. Но какое обилие жизни изливалось чрез них! Это были не глаза угасающей пожилой женщины, но **очи**, очи небожителя, не подвластного уже ни страху, ни смерти. Свет, исходивший из них, лился потоком в наши испуганные юные души и, казалось, озарял покуда ещё не найденную

дорогу земного бытия. Бабушка, устремив на нас любящий взор, внятно сказала: «Дети мои, **я хочу**, чтобы вы выросли **хорошими людьми...**». Мы заплакали, как и сейчас я плачу, запечатлевая на бумаге эти простые, святы́е слова...

Буля поцеловала нас, мы вышли из больничной палаты. Это было ровно тридцать три года тому назад*. Бабушкино завещание, уместившееся в одно предложение, и поныне связует меня с нею золотой, нерасторжимой нитью любви. Дай Бог, чтобы она не оборвалась никогда. Верю: никакие силы не смогут рассечь, низложить то, что сказано, воззвано к бытию Божественной любовью...

**К моменту написания этой главы.*

Кончина

Весть о кончине бабушки застала нас, внуков, сидящими... перед телевизором. Чемпионат мира по футболу совершенно захватил меня в плен, и страшное известие о смерти родного человека не оторвало школьника от футбольных страстей.

Отчего так? От душевной неразвитости, эгоизма, сосредоточенности лишь на себе и своих переживаниях? Несомненно. А может быть, я ещё не был готов осмыслить происшедшее и остаться один на один с зияющей пустотой потери. Очевидно, и лукавый не дремал, делая всё, чтобы запорошить сознание суетой. Не дать уму опуститься глубже, в сердце, которое Всемилостивый Господь уже вызволял из-под гнёта неверия.

Как часто лишь тяжёлые удары молота по наковальне способны произвести желаемые

изменения в затвердевшем материале! Поистине, *Бог в тяжесть Его знаем есть...** Помню, что матч закончился, потух экран телевизора, вместе с эмоциями победивших и проигравших, а действительность, жизнь, открывавшая нам, внукам, таинственную дверь в вечность, осталась. Не осталась, а вступила в свои права, охватила нас со всех сторон, поставив перед собственной совестью и разверзшимся небом, которое дотоле представлялось глухой, непроницаемой стеной. Я поспешно удалился в свою комнату и бросился ничком на кровать, может быть, инстинктивно пытаюсь «забыться и заснуть».

Ни сна, ни отдыха не было. Кровь стучала в висках, сердце билось, как после долгой быстрой ходьбы, лихорадочно работала мысль. Что это? Что произошло? Неужели **всё** свершилось **на самом деле**, может быть, произошла ошибка, имела место выдумка? Но душа **чувствовала** таинство смерти и отметала подобные предположения. Никогда до-

* Пс. 47, 4.

толе мы, мальчишки, не сталкивались с подлинными скорбями, а тем паче с трагедиями. Жизнь ласкала нас, как мягкие, тёплые волны прибоя, которые тихо накатываются на пологий берег, нежно касаясь человеческих ступней. Да, случались беды и неприятности, была физическая боль, но взрослые, всегда окружавшие нас заботой и любовью, умели снимать напряжение своим мудрым словом и успокаивающей улыбкой.

Это была **первая** ночь в жизни, которую я провёл без сна. Безусловно, невозможно воспроизвести на бумаге всё, что теснилось в сердце и восходило тогда на ум пятнадцатилетнему мальчишке. Под утро, взирая на занимавшийся рассвет и выплакивая остатки душевной чёрствости по отношению к такой родной и такой близкой по её кончине Буле, я изумился мысли, которая вдруг пронзила моё сознание: «Не верю, что её нет! Моё сердце только-только в полной мере осознало, на-

сколько я её люблю! Эта любовь греет и умиряет мою кровоточащую скорбью душу! Любовь не может быть направлена в никуда! Я **чувствую** любовь Були ко мне! Любовь соединяет наши сердца и живет их! Значит, бабушка не умерла, но **ушла**! Она сейчас **где-то**, но уже не здесь...».

Эта ночь, проведённая не в молитвах, а в слезах и беспорядочных судорогах мысли, стала для меня судьбоносной. Не путём логических умозаключений, а устремлением сердца к родному и бесконечно дорогому человеку, ушедшему в мир иной, я **прозрел духовно**. Мысль, словно цыплёнок, находившийся дотолы в скорлупе чувственного восприятия видимого мира, — проклюнулась, пробилась сквозь его оковы и тенеты. Она выпорхнула на совершенно незнакомые просторы мира **невидимого**, духовного! Бабушка, некогда не сумевшая удержать мою руку на пороге приходского храма, в эту ночь ввела меня в нерукотворный храм веры, едва лишь сама вошла своей душою в вечность!

Сейчас я бы назвал всё происшедшее со мною **родами**, с тем только отличием, что утробный младенец не сознаёт ничего из происходящего. До сих пор я храню воспоминание о тёмной туче — скорби, сдавившей сознание железным обручем! Это были «родовые

схватки», при которых душа вздымалась и опускалась в желании найти выход из мрачной темницы неверия. Собственно, неверием отравлен был ум, а сердце... сердце жаждало веры в победоносную силу Христовой любви, которая некогда разорила и отверзла настежь врата смерти! Сейчас я понимаю, что разбил эти замки и отодвинул заржавевший засов со створок сердечной клетки Сам Спаситель, прикосновением Своей нетленной десницы просветивший мою душу благодатью! Новорождённый младенец сначала плачет, едва лишь с мучительными трудами выйдет из материнской утробы, а затем начинает дышать ровнее и мало-помалу совершенно успокаивается, прильнув к родительской груди. Таков был и я в ту тёмную ночь, которая, наконец, уступила место забрезжившему на горизонте рассвету.

Душа возродилась! Пройдя сквозь Сциллу и Харибду неверия и самолюбия, сквозь «огонь и воду» скорбей и слёз, моя бессмертная душа увидела, как над ней таинственной Рукой был отдёрнут полог зримого мира, и она вошла — всем своим существом — в мир невидимый. Это было обретением сначала собственного сердца, а потом и рассудка, сдавшегося под напором любви, которая не требует никаких иных доказательств, кроме самой себя. В то утро на меня снизошла благодать, и невозмож-

С высоты птичьего полёта

ное сделалось возможным. В поисках восстановления общения с бабушкой, я обрёл Бога, Которого ещё не знал и не называл по имени, но Он уже простёр мне Свои милостивые объятия, исхитив из непроницаемого мрака — неверия и отчаяния — в Свой чудный Божественный Свет... Наступило время дальнейших поисков. Они уже были озарены живительной надеждой на встречу...

Поиск

Что имеем, не храним, потерявши — плачем. Кто из нас собственным опытом не познавал справедливость слов этой русской пословицы? Великое, воистину, видится на расстоянии... Кончина бабушки, без остатка посвятившей нам свою жизнь, произвела переворот в душах троих внуков. Её уход стал импульсом, движущей силой духовного поиска, который повлёк за собой пересмотр всей жизни, с целью найти её сокровенный смысл.

Так бывает и в природе. Вот закованная в зимних льдах река... Берега сокрыты под пеленой снега, склоняются к застывшему руслу дерева, словно укутанные в мягкие песцовые шубы. Солнце полагает свои отсветы на уходящее вдаль белёсое ложе реки, которое являет глазу изумительное многообразие цветовых оттен-

ков — от нежно- и снежно-голубого до матово-розового и золотого. Тишина! Покой! «Речка движется и не движется», спрятанная под толстым ледовым панцирем. Неслышными стопами приближается «чаровница-весна», каждому дню прибавляя от своих щедрот света и тепла. Проседает снег, становится виден лёд, по местам темнеющий от воды, которая подтачивает изнутри свой прозрачный каземат. И, наконец, наступает половодье... Оно выдаёт себя оглушительным треском льдин, наползающих одна на другую, крошащихся и раскалывающихся на ходу. Всё приходит в движение... Величественная и страшная картина!

Так и душа человеческая, до поры до времени находившаяся в непробуждённом состоянии, позабывшая о своём происхождении и предназначении, вдруг **приходит в себя**. Открывая свои заспанные вежды, она озирается окрест и, не находя точки опоры, интуитивно устремляется к Богу, источнику своего бытия. Что бы ни явилось причиной пробуждения, ни послужило началом поиска, без тайного воздействия Божественной благодати это было бы невозможно...

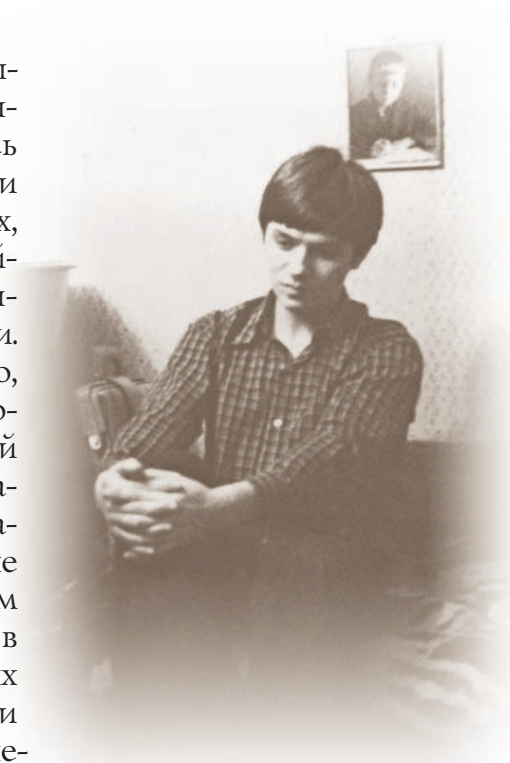
Уверовав в связующую нас с Булей златую нить любви, я попытался воскресить в памяти её живой образ, воссоздать неповторимые черты её лица и заглянуть в наполненные

мыслью глаза. В тайне от домашних, я достал большую деревянную шкатулку, где хранились наши семейные фотографии, и пристально вглядывался в них, как будто надеясь уловить, поймать на себе кроткий и любящий взор ненаглядной бабушки.

Вот тогда-то мне стало ясно, как эгоистично мы, дети, относились к ней! Принимая с охотой знаки внимания и заботы о самих себе, вовсе не интересовались её внутренним миром, не считая для себя необходимым послужить бабушке хотя бы в чём-то малом. А сколько вольных и невольных обид мы нанесли ей всегдашними капризами, непослушанием, нечестностью и междоусобной борьбой! Буля, Булечка! Как мягко и милостивно ты наказывала нас, не поминая зла, всякий раз доверяясь искренним обещаниям об исправлении. На фоне нашего потребительского отношения и мелочного себялюбия сколь великодушной, благородной и жертвенной была твоя любовь к нам!..

Припоминаю, что в поисках общения с усопшей душой, желая вновь «связать оборванную

Дума

*Александра
Михайловна
Глебова.
Урояля*

нить», я написал несколько первых в своей жизни стихотворений, продиктованных единственно любовью к бабушке. Будучи уже студентом-филологом, я хотел воплотить в жизнь вычитанную мной у Вячеслава Иванова мысль о теургическом^{*} назначении искусства, поверив в его преображающее воздействие на мир. Как бы то ни было, но слово «Бог» я впервые начал писать в неуклюжих, но совершенно искренних поэтических попытках прикоснуться к потусторонним «звёздным мирам» посредством слова.

Ни одно из этих стихотворений не сохранилось, но в моей памяти живёт духовное возбуждение, их породившее...

Именно тогда я нашёл в шкапулке из красного дерева, куда не смел заглядывать при жизни Були, старинное Евангелие с пожелтевшими от времени страницами. Оно принадлежало моей прабабушке, Александре Михайловне

^{*}Теургия — мистическое преображение мира.

Глебовой, крестнице Петра Аркадьевича Столыпина. Открытием и откровением для меня стали два простых оловянных крестика на синей и розовой ленточках — непреложный знак нашего с братцем крещения в трёхлетнем возрасте в подмосковном храме. Там же мною были обретены две прядочки русых волос, состриженные рукой священника и заботливо сохранённые бабушкой. От них веяло ароматным, тонким запахом прошлого. Локоны напоминали о невинности и чистоте детских душ, ставших сосудами Христовой благодати! Главной святыней ларца был образ Спасителя, держащего в руках Чашу и Хлеб. Христос на Тайной Вечери, устанавливает Своей драгоценной Кровью Новый Завет с грешным родом человеческим! Господний лик, мягкий и светлый, взирает на меня с кротким величием так, как может смотреть в глаза Своим созданиям только Бог...

*В Первую
мировую войну*

*Александра
Михайловна
Севей
с дочерьми –
Любовью,
Марианной
и Елизаветой*

Сейчас этот образ находится в алтаре храма Всех Святых, что в Красном Селе, и всякий раз я оглядываюсь на него, когда приступаю, «со страхом и трепетом», к престолу, приобщаясь по-священнически Святых Животворящих Христовых Таин.

Был там, на дне шкапулки, и портрет самой прабабушки Александры Михайловны. Высокая, худая, в длинном платье, она взирает на вас со своего фотографического изображения как живая...

С исхудавшего от жизненных испытаний лица безотрывно на меня смотрят её глаза — огромные, глубокие, вещиные... Что в них? И радость о рождении трёх дочерей, одна из которых — моя бабушка Любовь; и скорбь о преждевременной кончине от скоротечной болезни самой младшей из них — Марианны. Уход дочери об-

*Александра
Михайловна на
закате жизни*

ратил Александру Михайловну к живой вере, сделавшейся для неё светом и опорой всей жизни. Читаю в очах прабабушки и трагическую повесть разорения русской земли, подвергшейся порабощению куда более страшному, чем иго татарское, польское, французское, германское — все вместе взятые. Вижу в её глазах, как в зеркале, и голодные военные годы, когда, обнимая своими хрупкими руками трёх дочерей и трёх внучек, Александра Михайловна скрепляла маленький женский союз беспримерным мужеством, молитвой и ласковой строгостью — идеальной

Молодость

методой воспитания... В её взоре угадывается и крепкая, как смерть, любовь к венчанному мужу, офицеру царского флота, ушедшему в революцию. Выброшенный ею на обочину жизни, раздавленный морально и физически, он был поставлен на ноги своей Богом данной супругой, сумевшей простить мужу всё и довести его до «порога», возродив в нём веру и надежду на безграничную милость Божию к кающимся грешникам. Никогда не видя своей прабабушки, я совершенно убеждён в её незримом

*Василий
Николаевич
Севей.
Первая
мировая
война*

*«У порога...»
Работа
внучки
(Марины
Павловны
Барто)*

руководстве моей жизнью... Она, Александра Михайловна Севей, урождённая Глебова, подлинно «звезда заветная» нашего рода...

Чаша

Нет, мне не дано было **так просто** обрести искомое. Я не смог восстановить нить общения с почившей бабушкой ни через прикосновение к семейным реликвиям, ни через созерцание её портретов, ни через стихотворное обращение к той, которая напיתה любовью души своих внуков, ничего не требуя взамен. Моё сердце искало, вопрошало, но не находило ответа ни в чём земном, даже в поэтическом творчестве. А ответ **был** (я это чувствовал всеми фибрами пробуждённой души). Оставалось только ждать...

Однажды, уже студентом первого курса филологического факультета Московского университета, выйдя из дома, я почему-то развернулся в противоположную по отношению к метро сторону и направился к церкви святого пророка

*Храм
Илии пророка
в Обыденском
переулке.
60-е годы
XX столетия*

Божия Илии, что в Обыденском переулке. Вместо лекции по истории КПСС я вошёл через те самые двери храма, куда меня пыталась ввести Буля много лет тому назад. Примечательно, что каждое воскресенье, год за годом, мы слышали льющийся в окна призывный звон церковных колоколов и... не внимали ему. Закрыты были не уши, но сердца...

Кончина бабушки стала для меня откровением из иного мира. Дотоле слепое и глухое сердце теперь кровоточило слезами и жаждой обрете-

ния... Чего? Того, что могло заполнить его без остатка, одухотворить и водворить в нём небесный покой. Тогда я, наверное, не был бы способен облечь свои мысли в слово, но душа **ощущала** себя **птеницом**, у которого за спиной раскрылись крылья. Я походил на неуклюжую пичугу, которая ещё никогда не покидала гнезда, но уже **чувствовала** в себе эту неведомую **способность к полёту** и жаждала его...

А что же дальше? Я вошёл будним утром в храм Божий. На службе присутствовало несколько молящихся, пожилой батюшка* кого-то исповедовал в уголке. Не зная и не понимая в службе ровным счётом **ничего**, я обратил внимание на трёх благообразных старушек, которые, стоя на клиросе, тихими, мелодичными голосами пели Евангельские блаженства: «...Блажени кротции, яко тии наследят землю... Блажени милостивии, яко тии помиловани будут. Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят...»**.

*Протоиерей
Александр
Егоров*

*Протоиерей Александр Егоров (скончался в 2000 г.).

**См.: Мф. 5, 3-12.

Вот оно **то**, чего я искал! Ясно пропеваемые певчими слова достигли моего слуха, ума, сердца... Я остановился как вкопанный и сам превратился в слух. Так сирота, десятилетиями не знавший своего отца, издали заведев родимое лицо, бежит к нему и с доверием бросается в родительские объятия, мгновенно обретая в них мир, счастье и блаженство...

Моя душа вострепелась — и взлетела в горние обители, исполнившись невидимого внешнему оку Божественного света. Я забыл весь окружающий меня мир. Взор уже не искал ничего вокруг: ни священника, ни людей, ни икон. Мне не нужно было следить за службой и что-то пытаться в ней понять. Я, признаюсь, и не слышал тогда пения и возгласов. Душа внимала... внимала внутренним слухом тому царству покоя, любви и правды, которое внезапно водворилось в сердце...

Подобным образом хорошо отдохнувшее поле, освободившись по весне от зимних оков, раскрывает свои гряды навстречу ласковым лучам солнца и... покоится, каждым, самомалейшим катышком земли ликуя о своём раздолье в преддверии первых всходов.

Сколько прошло времени, не знаю. Моя душа пришла в себя, когда увидела священника с Чашей в руках, произносящего нечто по-церковно-славянски. Не слушая его, я почему-то сказал сам себе, точнее услышал в глубине сердца: «Это тебе, это твоё...». **Что** было в Чаше, для чего её вынесли, я, конечно, не ведал. Но душа неодолимо влекла меня к серебряному сосуду, как будто в нём был сокрыт источник жизни, то, без чего отныне я не смогу жить... Увидев, как другие сложили руки на груди крест-накрест, я сделал то же самое и медленно приблизился к священнику. Тот, подняв на меня взор, спросил: «Миленький, а ты исповедовался?». О это чудное, «умилительное» слово! Благодарю Господа, что Он тогда вложил его в уста опытного пастыря, знатока душ человеческих! Это слово было так созвучно светлому чувству, которое поселилось у меня на сердце во время безмолвного предстояния алтарю.

— Нет, — ответил я, — а что это такое?

— Останься после службы, я тебя поисповедую...

Отойдя от Чаши непричастённый, я вдруг заплакал, да так сильно, что слёзы хлынули у меня из глаз. Поспешно выбежав из храма, без всякой обиды на священника, я побрёл в университет, размазывая по щекам всё прибывающую солёную влагу. Что было в этих слезах, друзья

мои? Не то ли, что чувствует младенец, когда его отторгают от тёплой и щедрой материнской груди?.. Таким и чувствовал я себя тогда — совершенным младенцем, обретшим отчий дом, но не удостоившимся родительского хлеба. От текущих слёз мне становилось всё легче и легче, как будто что-то тяжёлое, мутное, годами копившееся в душе, выходило вон.

Успокоившись и совладав с собой, я вошёл в метро. Земная жизнь с её суетой вновь вступала в свои права. Но на сердце было удивительно свободно и тепло, словно некий огонёк грел его изнутри. Непередаваемое чувство новизны и отрады...

Не так уж наивен семнадцатилетний студент-филолог, чтобы не понимать значения слова «исповедь»... Раскрыть свою совесть священнику, признаться в том, что, подобно занозам, уязвляло душу с детских лет, я, видимо, был пока не готов. Вот почему на следующий день в храм я не пришёл. Для нового шага ко Христу потребовался ещё месяц-другой. Но благодать Господня уже таинственно веяла в моей душе и призывала её к покаянию...

Исповедь

Главные события жизни... Как правило, определяющими вехами судьбы мы почитаем изменения **внешнего** порядка и потому хорошо их помним. Переезд в иной город, страну; обретение трудового поприща, женитьба, рождение ребёнка... Никакой ошибки в этом нет, ибо всё видимое связано с невидимым, временное — с вечным, телесное — с духовным.

Сейчас, с **высоты птичьего полёта** осматривая прожитые годы, я останавливаюсь на одном, совсем не примечательном событии, в котором, однако, склонен видеть точку отсчёта и одновременно точку опоры всего своего бытия. Как вы помните, получив приглашение к исповеди от пожилого приход-

ского батюшки, я не тотчас ему последовал. Мысль моя, однако, всё время вращалась вокруг этого предмета. В душе свершалась незримая работа, может быть, и не совсем мною тогда осознаваемая. Как часто Создатель, Своим недрёманным оком бдящий над нами, со свойственной Ему премудростью устраивает и помогает осуществить то, что нам одним было бы совершенно не под силу...

Помнится, я заказал себе гору книг по филологии в университетской библиотеке на Моховой, славящейся своими Императорскими фондами. Устроившись за широким деревянным столом под уютной лампой и приготовившись к скрупулёзному изучению лингвистических текстов, я вдруг обратил внимание на лежащую поодаль, неведь откуда взявшуюся брошюру со странным названием «Загробные мытарства блаженной Феодоры». Раскрыв её и небрежно перелистав несколько страниц, я вдруг понял, что речь идёт о человеческих грехах и посмертном воздаянии за них на нелицеприятном Божием Суде. Через полчаса, отложив в сторону учёные фолианты, я уже конспектировал содержимое брошюры, с раскрасневшимися от волнения щеками! Всё, там написанное, относилось непосредственно ко мне! Только звонок, предупреждавший об окончании работы библиотеки, отвлёк меня

от тщательного выписывания грехов, изложенных в соответствии с главными страстями и порочными навыками. Мне казалось, что свод университетского книгохранилища раскрылся, и сам Ангел-Хранитель внимал тогда потугам юноши-христианина подготовиться к первой в его жизни исповеди.

Как нелегко на следующее утро было идти в уже хорошо знакомый храм! В моей душе звучал никому неслышный диалог, и я был его невольным свидетелем!

— Куда ты идёшь, Артемий? Подумай, как тебя там встретят, что скажут, едва ты начнёшь признаваться в столь страшных грехах?

— Нет, иди и не сомневайся, — возражал другой, добрый голос, — ты не первый и не последний, кому приходится каяться, начиная с самого детства, и называть вещи своими именами.

— Ну, хорошо, — противоречил лукавый. — Давай отложим всё это до лучших времён.

*Придел
святых
Симеона
Боготримца
и Анны
пророчицы*

Сколько времени жил без исповеди — и вдруг с места в карьер...

— Или сейчас, или никогда! Промедление смерти подобно. Помни, Артемий, повинную голову меч не сечёт.

В таком борении, если не сказать мучении, я вошёл в храм и подошёл к укромному местечку в правом приделе*, которое мне запомнилось с первого моего посещения. В этот раз уже другой батюшка (отец Пётр**, как оказалось впоследствии) кого-то исповедовал, стоя на солее***, рядом с окном. Ещё два человека терпеливо ожидали своего черед внизу, близ иконы Богоматери с Младенцем. Пристроившись к этим прихожанам, я продолжал терзаться душой и бороться с желанием спастись бегством от предстоящей исповеди, которую (о парадокс!) жаждал всей душой и всем сердцем. Протекающие минуты показались мне вечностью. Наконец, батюшка, внимательно посмотрев на меня из-под очков в толстой роговой оправе, сделал знак подняться на солею. Удивительное дело! Едва лишь я стал рядом с ним, вперив взор в крест и Евангелие, лежащие на аналое****, разноголосица, доведшая

*Придел святых Симеона Богоприимца и Анны пророчицы.

**Протоиерей Пётр Дьяченко (скончался в 1991 г.).

***Солея — возвышенная часть пола перед иконостасом.

****Аналой — высокая подставка с покатым верхом, на которую кладутся богослужебные книги и иконы.

*У окна.
Место
свершения
исповеди*

меня почти до изнеможения, тотчас смолкла. Так корабль-парусник при полном штиле уныло стоит с обмякшими парусами, покада не налетит, к радости моряков, вечерний бриз. Картина тотчас меняется, в парусах уже полощется жизнь, кораблик, словно живое существо, вздрагивает и сходит с места... Именно этот тёплый ветерок за спиной я ощутил, едва лишь поднялся на ступеньку солеи.

— Как тебя зовут? Артёмушка? Ну, не стесняйся, говори всё, что лежит на душе...

Сейчас я сознаю, насколько важно первое слово священника, обращённое к новичку или просто к случайному человеку, робко переступившему порог храма! Ласковое слово живит, вдохновляет, побуждая раскрыться без боязни... ну а строгое, тем паче чёрствое, иногда имеет своим последствием «сорокалетнее странствование» человеческой души в безводном и безжизненном пространстве мира сего. Она, испуганная, навсегда может остаться вдали от святого

храма — оазиса, с его неоскудно изливающимися ключами, источниками воды живой...

От поощрительного взора и слова батюшки у меня появилось желание без утайки, начистоту выговорить, вывалить **всё**, что только ни горело, ни клокотало тогда в моей памяти адским огнём. Батюшка терпеливо внимал, слушал, покачивал головой и сокрушённо повторял: «Бог да простит тебя, чадо...». Наконец, опустошив закрома совести, я взглянул жалким взором на священника, который был для меня истинным судьей и вершителем моей бедной судьбы...

— Всё? — спросил он.

— Всё! — отвечивал я.

— Теперь я прочитаю над тобой разрешительную молитву.

Непроизвольно опустившись на колени, я почувствовал, как он возложил парчовую епитрахиль* на мою голову и, крепко-крепко сжав её в отеческих руках, громко, на весь храм, прочитал молитву: «Господь и Бог наш Иисус Христос да простит тебе, чадо Артемий, все твои грехи, вольные и невольные, словом, делом, помышлением соделанные, и я, недостой-

**Епитрахиль — элемент священнического облачения в виде длинной ленты с отверстием для головы. Епитрахиль знаменует собой благодать Спасителя и одновременно спасённую овцу на плечах доброго Пастыря Христа.*

ный протоиерей Пётр, прощаю и разрешаю тебя от всех твоих грехов, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Друзья! И поныне я затрудняюсь передать, что произошло со мной, внутри меня при этих тайносовершительных словах! Я почувствовал, что стал лёгким, как пёрышко, совершенно невесомым! Не только душа моя окрылилась, но все составы и сочленения, мышцы и кости, казалось, очистились и пели бессловенную песнь хвалы и благодарения Спасителю Богу. Поцеловав крест и Евангелие, я принял от батюшки благословение и ступил вниз, освободив место для следующего исповедника. Вновь, как и в первый раз, от избытка нахлынувших чувств я вышел поскорее на крыльцо храма, на свежий воздух... Время было весеннее!

Господи! Какой чудный, незабываемо яркий мир открылся моему взору! Всё было новым, нетленным, прекрасным! **Иначе**, чем прежде, светило яркое солнышко, как будто целуя меня лучами света, которые сыпались откуда-то сверху, с ажурного золотого креста, венчавшего собою купол храма. По-детски радостно пели птицы, укрывавшиеся в свежей, только что распутившейся листве окрестных тополей. Лужи, образовавшиеся на чистом асфальте после прошедшего дождя, отражали в себе

редкие облака и самое небо. Оно, бездонное, голубое, необъятное, таило в себе Отчий лик, который отныне стал для меня видимым — очами простой, зрячей и горячей веры...

Этим рассказом завершаются мои воспоминания о детстве, отрочестве и юности. Впереди — годы студенчества, учительства и священства...

Оглавление

Вступление	5
Вместо предисловия	9
Ясли	10
Признание	16
Детский сад	22
Павлин	27
Страх	33
Музыка	37
Проказы	44
Первый класс	52
Грех	56
Любовь	62
Независимость	68
Осень	74
Молитва	78
Козлёнок	83
Пасха	90
Подростки	96

Четвероногие друзья	101
Сочувствие	108
Братство	113
Первенец	120
Дядя Лёня	131
П. Н. Барто	139
Н. Н. Бобринский	147
Ю. А. Пестель	153
И. К. Станиславский	159
Г. К. Круг	165
Серовы	173
Неверие	180
Раскаяние	186
Завещание	191
Кончина	197
Поиск	203
Чаша	213
Исповедь	219

*Автор выражает признательность
за предоставленные фотоматериалы
Марине Павловне Барто, Сусанне
Павловне Серовой, Анне Павловне Барто,
редакции издательства «Индрик».*

*Особая благодарность за содействие
в издании книги семьям Дмитрия и Елены
Левиных, Василия и Марии Колобовых,
Михаила и Маргариты Ершовых.*

УДК 821.161.1-32Владимиров
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А 57

ISBN 978-5-94119-066-9

Протоиерей Артемий Владимиров

С высоты птичьего полёта

Редактор Е. В. Путинцева
Дизайн Анна и Виктор Кладницкие

Подписано в печать 6.12.2011
Формат 60Х84/16. Бум. мелованная. Печать офсетная.
Гарнитура «Лазурский». Тираж 5000 экз.
Заказ № 130

ЦДС АНО «Артос»
107140, Москва, 2-й Красносельский пер. 5, стр. 1
т/ф (499) 264 5791, www.ks-artos.ru

Отпечатано с оригинал-макета в ООО ПФ «Полиграф-Периодика»
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3, т. 8-817-2-72-60-63

© Протоиерей Артемий Владимиров

ISBN 978-5-94119-066-9

